

A man with a stern expression, wearing a dark suit and a patterned vest, stands behind a woman. The woman has voluminous, curly brown hair and is wearing a dark green, ruffled dress with a lace-up bodice. They are both looking down at an open book on a table. The background is a blurred interior with windows.

Коллектив
авторов

**Платиновая
книга
фанфиков**

Нейросеть Sinonim.org
Нейросеть Алиса
Анастасия Калько
Платиновая книга фанфиков

*<https://litres.ru/74079366>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Новый сборник рассказов-фанфиков, написанных при содействии искусственного интеллекта по замыслам автора - линия Волан-де-Морта и Беллатрисы Лестрейндж из "Поттерианы"; сериалов "Океанская девочка" и "Грозные камни", фильма "Лучшие из лучших-2", а также популярных стихов и песен. Многим знакомые герои вернутся к нам в новых ситуациях, и автор для каждого постаралась придумать благополучную развязку!

Нейросеть Алиса, Анастасия Калько, Нейросеть Sinonim.org Платиновая книга фанфиков

Дочь волшебников

Тьма в поместье Малфоев сгущалась не только в углах, затянутых паутиной, но и в самих душах его обитателей. Однако для Беллатрисы Лестрейндж эта тьма была родной стихией, воздухом, которым она дышала. И центром этой вселенной был он — Тёмный Лорд.

Иногда, когда ночь становилась особенно глухой, а дела Пожирателей Смерти на время затихали, Волан-де-Морт призывал её к себе. Это не были приказы или совещания. Это были тихие, почти интимные моменты, которых удоставалась только она. Он мог часами молчать, глядя в огонь камина, а она сидела у его ног, словно верная гончая, готовая поймать любой его взгляд, любое движение. В эти мгновения она чувствовала не страх, а пьянящее единение. Он говорил с ней о силе, о чистоте крови, о вечности, и его шипящий голос проникал ей под кожу, становясь частью её самой. Для Беллатрисы эти приглашения были высшей награ-

дой, доказательством её исключительности и безграничной преданности.

И однажды эта преданность принесла плоды.

Сначала она не поверила. Мысль была настолько кощунственной и одновременно восхитительной, что Беллатриса гнала её прочь. Но тело не обманешь. Внутри неё, в самом центре её существа, зародилась новая жизнь. Жизнь, несущая в себе кровь величайшего волшебника всех времён.

Её безумие обрело новую, светлую грань. Она ходила по мрачным коридорам поместья, и на её лице играла блаженная, пугающая улыбка. Она гладила свой живот, скрытый под складками тёмного платья, и шептала ему слова, которые никогда не произнесла бы вслух. Она говорила с наследником Тёмного Лорда. Нарцисса смотрела на сестру с тревогой и отвращением, но молчала. Никто не смел задавать вопросы.

Беллатриса гордилась. Эта тайна была её сокровищем, её главной победой. Она, именно она, была избрана, чтобы продолжить его род. Она подарит ему бессмертие не только через крестражи, но и через живую кровь. Радость её была дикой, первобытной, похожей на восторг хищника, загнавшего добычу.

Роды были тайными и тяжёлыми. В уединённой комнате, под присмотром верного Рудольфуса, который принял эту новость с мрачной покорностью, на свет появилась девочка. Крошечное создание с пушком серебристых волос и пронзи-

тельными глазами, в которых уже сейчас угадывалась недетская глубина.

Беллатриса назвала её Дельфини, в честь созвездия Дельфина — так же, как и многих в её роду Блэков. Но для неё это имя имело и другой смысл: Дельфийский оракул, пророчица. Она верила, что её дочь станет вестницей новой эры, которую установит её отец.

Самый страшный момент настал, когда она, дрожа от волнения и слабости, принесла дитя к нему. Волан-де-Морт сидел в своём кресле, похожий на изваяние из бледного мрамора. Его красные глаза безразлично скользнули по свёртку. На мгновение в сердце Беллатрисы застыл лёд. Что, если он отвергнет её?

Что, если сочтёт это слабостью, недостойной помехой на пути к власти?

Он не произнёс ни слова, лишь протянул длинную, белую руку. Беллатриса, затаив дыхание, вложила ему в руки драгоценную ношу. Тёмный Лорд опустил взгляд на крошечное личико. В комнате повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь треском поленьев в камине. Казалось, прошла вечность.

И вдруг произошло нечто невероятное. Маленькая Дельфи, не издав ни звука, не заплакав, открыла глаза и посмотрела прямо на него. Её взгляд был не младенчески-бессмысленным, а на удивление сфокусированным и осознанным. В этот самый миг на столе рядом с креслом Тёмного Лорда

треснул и рассыпался в пыль хрустальный бокал. Сам по себе. Беззвучно.

Волан-де-Морт замер. Его алые глаза сузились, в них промелькнуло нечто похожее на удивление, а затем — на интерес. Он почувствовал это. Неконтролируемый, стихийный выброс магии. Чистой, необузданной силы, которая не подчинялась ни логике, ни обучению. Это была врождённая мощь, наследие Слизерина, текущее в его собственных венах. Он увидел в этом крошечном существе не просто ребёнка, а отражение самого себя — своего потенциала, своего величия.

На его тонких губах медленно проступило подобие улыбки — зрелище куда более пугающее, чем любой приступ ярости.

«Она сильна», — прошипел он, и голос его был похож на шорох змеиной чешуи. Он не смотрел на Беллатрису, его взгляд был прикован к девочке. «В ней течёт моя кровь. Моя сила».

Сердце Беллатрисы забилося в бешеном, триумфальном ритме. Это было больше, чем признание. Это было утверждение. Он не просто принял дочь, он увидел в ней ценность, увидел продолжение своего наследия.

«Она будет великой», — выдохнула Беллатриса, и в её голосе смешались благоговение и фанатичная гордость.

«Она будет той, кем я прикажу ей быть», — холодно поправил Тёмный Лорд, но не отдал ребёнка. Он продолжал

держат Дельфи, изучая её, словно редкий и могущественный артефакт. Он увидел в ней не только дочь, но и идеальное оружие, живой символ своего бессмертия, который однажды сможет служить ему.

Он поднял взгляд на Беллатрису, и в его красных глазах она впервые за долгое время увидела нечто, похожее на одобрение. Не за её преданность, не за её жестокость, а за этот дар. За то, что она смогла дать ему то, о чём он сам никогда не думал просить — наследницу его магии.

«Спрячьте её, — приказал он, наконец возвращая свёрток матери. — Никто не должен знать. Мир ещё не готов к пророчеству, которое она несёт. Её время придёт».

Беллатриса прижала дочь к себе, чувствуя, как её сердце переполняет неистовая, почти болезненная радость. Слова Тёмного Лорда были для неё священным заветом. "Никто не должен знать". Эта тайна стала ещё одним звеном, связывающим её с ним, делая её хранительницей его самого сокровенного сокровища.

Дельфи была спрятана. Её детство прошло вдали от глаз Пожирателей Смерти, вдали от любопытных взглядов, которые могли бы разгадать её происхождение. Беллатриса лично следила за каждым её шагом, за каждым вздохом. Она обучала Дельфи не только основам магии, но и философии Тёмного Лорда, его видению мира, его величию. Девочка росла в атмосфере абсолютного поклонения своему невидимому отцу, чьё имя произносилось с благоговением и трепетом.

Дельфи была необычным ребёнком. Она не плакала, как другие дети, не капризничала. Её глаза, цвета расплавленного серебра, всегда казались слишком взрослыми, слишком пронизательными. Магия струилась в ней свободно, проявляясь в самых неожиданных моментах: предметы левитировали, когда она была рассержена, цветы распускались по её желанию, а животные, даже самые дикие, подчинялись её безмолвному зову. Беллатриса видела в этом подтверждение слов Милорда – фамильная сила, чистая и нетронутая.

Она рассказывала Дельфи истории о великом волшебнике, который однажды вернётся, чтобы править миром, и о том, что Дельфи – его единственная наследница, рождённая, чтобы помочь ему в этом. Девочка впитывала эти слова, как губка, и в её маленьком сердце росла не только любовь к матери, но и фанатичная преданность отцу, которого она никогда не видела, но чьё присутствие ощущала в каждой клеточке своего существа.

Когда Тёмный Лорд пал, Беллатриса была в отчаянии. Мир рухнул. Но даже в этот момент, когда её собственная жизнь висела на волоске, она думала о Дельфи. Она должна была защитить её, сохранить её для будущего, которое, как она верила, всё равно наступит. Она знала, что Дельфи – это не просто её дочь, это живое воплощение надежды на возрождение Тёмного Лорда.

И даже после её собственной смерти, когда Дельфи осталась одна, она несла в себе это наследие. Она была живым

доказательством того, что Волан-де-Морт не просто существовал, но и оставил после себя нечто большее, чем крестражи и разрушения. Он оставил дочь, в которой текла его кровь, его сила, его амбиции. Дельфи, дитя тьмы и безумной любви, была его последним, самым неожиданным и самым личным творением. И она, как и предсказывал её отец, ждала своего часа, чтобы исполнить пророчество, которое несла в себе с самого рождения.

И вот, годы спустя, когда мир, казалось, забыл о Тёмном Лорде, а его имя стало лишь мрачной легендой, Дельфини Рэддл, или просто Дельфи, как она себя называла, вышла из тени. Она была воплощением той самой фамильной силы, которую Милорд разглядел в ней ещё младенцем. Её серебристые волосы, пронзительные глаза и врождённая, необузданная магия были живым свидетельством её происхождения.

Она не знала своего отца лично, но его образ был вплетён в самую ткань её существа. Мать, Беллатриса, в своих безумных, но искренних рассказах, создала для Дельфини миф о величайшем волшебнике, несправедливо поверженном, о его благородной цели и о её собственной роли в его возрождении. Дельфи росла с этой миссией, как с единственным смыслом жизни. Она была его наследницей, его последней надеждой, его живым крестражем, если угодно.

Её магия была дикой и непредсказуемой, как у самого Волан-де-Морта в юности, но в то же время она обладала той же

хитростью и манипулятивной натурой, что и её мать. Дельфини не искала власти ради власти, как многие Пожиратели Смерти. Она искала справедливости – справедливости для своего отца, для его дела, для того мира, который, по её убеждению, был несправедливо лишён его правления.

Она изучала древние пророчества, искала скрытые знания, которые могли бы помочь ей вернуть отца. Её путь был одиноким, но она никогда не чувствовала себя по-настоящему одной. В её венах текла кровь двух величайших тёмных волшебников своего времени, и это давало ей неиссякаемый источник силы и решимости.

Когда она наконец нашла способ, когда пророчество о "ребёнке, рождённом в полночь, который поможет Тёмному Лорду вернуться", стало для неё не просто словами, а руководством к действию, Дельфини не колебалась. Она была готова на всё. Её любовь к отцу, которого она никогда не видела, была столь же сильна и фанатична, как любовь Беллатрисы. Она была готова пожертвовать всем, чтобы исполнить его волю, чтобы вернуть его в мир, который, по её мнению, отчаянно нуждался в его руководстве.

И когда она столкнулась с Гарри Поттером, с тем, кто был причиной падения её отца, в её глазах не было ненависти, лишь холодная, расчётливая решимость. Она была не просто мстительницей, она была исполнителем воли, которую считала священной. В каждом её движении, в каждом заклинании чувствовалась та самая фамильная сила, которую Во-

лан-де-Морт когда-то признал в ней. Она была его дочерью, его последним шансом, и она была готова доказать, что его величие не умерло, а лишь ждало своего часа, чтобы возродиться через неё.

Её план был дерзок, почти безумен, но Дельфи верила в него с фанатичной убеждённой. Она манипулировала, обманывала, использовала чужие слабости, чтобы приблизиться к своей цели – изменить прошлое, предотвратить падение отца. В её сознании это было не злодейство, а исправление чудовищной ошибки, восстановление естественного порядка вещей. Она была орудием судьбы, призванным вернуть миру его истинного правителя.

Встреча с Гарри Поттером и его друзьями в Запретной секции Министерства Магии стала кульминацией её усилий. Дельфини стояла перед ними, воплощение всего, что они ненавидели и боялись, но в то же время – нечто новое, неожиданное. Она не была просто ещё одним Пожирателем Смерти; она была их наследницей, их продолжением. В её глазах горел тот же огонь, что и в глазах её отца, та же безжалостная решимость, та же вера в собственное превосходство.

Когда она произносила заклинания, её движения были грациозны и смертоносны, а голос, несмотря на юность, звучал с властной интонацией, напоминающей шипение. Она не просто сражалась – она танцевала со смертью, уверенная в своей правоте. В каждом её жесте чувствовалась мощь, которую она унаследовала, необузданная магия, которая не зна-

ла границ. Она была живым доказательством того, что кровь Тёмного Лорда не была уничтожена, что его наследие продолжало жить и дышать.

Но даже самая чистая кровь и самая сильная магия не могли изменить того, что уже произошло. Судьба, или, возможно, просто стечение обстоятельств, оказалась сильнее её воли. В тот момент, когда она почти достигла своей цели, когда казалось, что прошлое вот-вот поддастся её влиянию, она столкнулась с непреодолимой преградой. Не с Гарри Поттером, не с Гермионой или Роном, а с самим временем, которое не желало быть изменённым.

Её поражение было горьким, но даже в нём Дельфини сохранила свою гордость. Она не молила о пощаде, не раскаивалась. Когда Гарри Поттер, принявший облик её отца, произнёс слова, которые должны были сломить её, она лишь посмотрела на него с отчаянием и мольбой. Не о жизни, а о признании. Она хотела, чтобы он, её отец, принял её, увидел её усилия, её преданность.

«Убей меня!» — крикнула она, когда её план рухнул. Это был не призыв к смерти, а последнее, отчаянное требование внимания, признания от того, кого она боготворила. Она хотела умереть, зная, что её отец, пусть и в обличье врага, видел её, слышал её, понимал её.

Её арест и заключение в Азкабан не сломили её дух. В мрачных стенах тюрьмы, среди дементоров и отчаяния, Дельфини оставалась Дельфини. Она была дочерью Тёмно-

го Лорда, и это знание было её щитом, её утешением. Она верила, что её время ещё придёт, что пророчество, которое она несла в себе, рано или поздно исполнится. Она была живым напоминанием о том, что даже после самого страшного поражения, семена зла могут быть посеяны вновь, и что фамильная сила, однажды признанная, никогда не исчезает бесследно. Её история была не концом, а лишь началом новой, тёмной главы, которая ждала своего часа, чтобы быть написанной.

Её слова, полные отчаяния и невысказанной любви, повисли в воздухе, словно эхо давно забытой песни. Гарри, поражённый глубиной её боли и фанатичной преданности, не мог ответить ей тем же. Он видел в ней не дочь Тёмного Лорда, а жертву, искалеченную безумием и ложными идеалами. Он видел лишь отголоски той силы, которую Волан-де-Морт когда-то признал, но теперь эта сила была направлена против всего, что он защищал.

Когда Дельфини оказалась за решёткой Азкабана, её мир сузился до холодных стен и вечного сумрака. Но даже там, среди шепота дементоров и отчаяния других заключённых, она не была сломлена. Её разум, закалённый годами фанатичной веры и материнскими наставлениями, оставался незыблемым. Она перебирала в памяти слова матери, образы отца, которые она никогда не видела, но которые были для неё реальнее всего на свете. Она верила, что её время ещё придёт. Что пророчество, которое она несла в себе с самого

рождения, не могло быть просто так оборвано.

В глубине её сознания, словно тлеющий уголёк, жила надежда. Надежда на то, что однажды, когда мир снова погрузится в хаос, когда тень Тёмного Лорда вновь начнёт сгущаться, она будет готова. Готова исполнить свою роль, доказать, что фамильная сила, признанная когда-то Милордом, не исчезла бесследно. Она была его последним шансом, его живым наследием, и даже в самой глубокой тьме она оставалась его дочерью.

Иногда, в редкие моменты просветления, когда холод Азкабана казался невыносимым, Дельфини представляла себе тот момент, когда Волан-де-Морт впервые увидел её. Он увидел в ней не просто ребёнка, а отражение себя, свою силу, своё величие. Это было признание, которое она хранила как величайшую драгоценность. И это признание давало ей силы жить, ждать, верить.

Она знала, что её история не закончилась. Что где-то там, в мире, который её отверг, её ждёт её судьба. И когда этот час настанет, она будет готова. Готова вновь показать миру, что кровь Тёмного Лорда течёт в её жилах, и что фамильная сила, однажды признанная, никогда не умирает. Она была Дельфини, дочь Волан-де-Морта, и её история была лишь началом.

Рождение Дельфи

Тёмные коридоры поместья Малфоев хранили множество тайн, и одна из них касалась встреч Волан-де-Морта с Бел-

латрисой Лестрейндж. Время от времени Тёмный Лорд, вопреки своей привычке держать последователей на расстоянии, приглашал Беллатрису к себе — не для приказов и не для наказаний, а для долгих бесед в полумраке кабинета.

Беллатриса, преданная ему до последнего вздоха, воспринимала эти приглашения как высшую милость. Она приходила, распрямляя плечи, с горделивым блеском в глазах, готовая выслушать, исполнить, угодить. Волан-де-Морт редко проявлял интерес к кому-либо, но Беллатриса была исключением — её фанатичная верность и магическая сила вызывали у него если не уважение, то хотя бы признание.

Шли месяцы. Однажды Беллатриса заметила перемены в себе. Сначала она не придавала им значения, но вскоре сомнения развеялись: она была беременна. Новость потрясла её до глубины души. Вместо страха или растерянности Беллатриса ощутила небывалую гордость. В ней рос ребёнок — дитя самого Волан-де-Морта, продолжение его рода, носитель его крови и, возможно, его силы.

Она не стала скрывать правду. В один из дней, стоя перед Тёмным Лордом, Беллатриса с трепетом и торжеством объявила о своей беременности. Волан-де-Морт замер, его красные глаза на мгновение вспыхнули ярче. Он не произнёс ни слова одобрения, но и гнева не последовало. Этого было достаточно, чтобы Беллатриса уверилась: он знает, что это важно.

Беременность протекала непросто, но Беллатриса держа-

лась с несгибаемой стойкостью. Она представляла, каким вырастет её ребёнок — сильным, могущественным, достойным своего отца. В мечтах она видела, как Тёмный Лорд однажды признает дитя, передаст ему свои знания, сделает частью своего великого замысла.

И вот настал день, когда на свет появилась девочка. Её называли Дельфи. Беллатриса, измученная, но счастливая, держала на руках крошечное создание и шептала:

— Ты — дочь Волан-де-Морта. Ты унаследуешь его силу.

Когда Волан-де-Морт впервые увидел ребёнка, он долго молчал, изучая её. Дельфи открыла глаза — тёмные, пронзительные, с отблеском чего-то древнего и могущественного. В этот момент он почувствовал то, чего не испытывал давно: в девочке действительно была его кровь, его магия, фамильная сила рода Реддлов.

— Она... достойна, — наконец произнёс он, и эти слова прозвучали как признание.

Беллатриса улыбнулась, слёзы гордости выступили на её глазах. Её дочь была признана самим Тёмным Лордом. В этот миг она знала: будущее Дельфи будет великим, а её собственная жертва — не напрасной.

Соперничество (по мотивам х/ф «Асса»)

Зимний берег Ялты дышал промозглой тишиной. Море, свинцовое и угрюмое, накатывало на берег тяжёлые волны. Волан-де-Морт стоял на пирсе, закутавшись в длинный чёрный плащ. Его бледное лицо казалось высеченным из мра-

мора, а глаза, холодные и пронзительные, следили за фигурой молодого музыканта, который сидел на краю причала и перебирал струны гитары.

— Ты думаешь, она выберет тебя? — голос Волан-де-Морта прозвучал резко, как удар хлыста. — Она принадлежит мне. И чтобы ты это понял... — он усмехнулся, — я докажу тебе своё превосходство.

Он сбросил плащ, оставшись в облегающем водолазном костюме, и, не дожидаясь ответа, прыгнул в ледяную воду.

Музыкант замер, потом вскочил на ноги. Беллатриса, стоявшая неподалёку, ахнула:

— Он же замёрзнет!

— Или утонет, — тихо добавил парень, но в глазах у него вспыхнул вызов.

Не раздумывая, он стянул куртку, бросил гитару на пирс и бросился следом.

Волан-де-Морт плыл мощно и уверенно, рассекая волны, будто морской хищник. Он явно рассчитывал на эффект: показать, что он сильнее, выносливее, что он — хозяин положения. Но музыкант не отставал. Он двигался легко, почти играючи, словно вода была его родной стихией.

Они плыли вдоль берега, огибая скалы, пока Волан-де-Морт вдруг не почувствовал, как холод сковывает мышцы. Он обернулся — соперник был совсем рядом, улыбался и махал рукой.

— Довольно! — прошипел Волан-де-Морт и развернулся

к берегу.

Когда они выбрались на сушу, музыкант, дрожа от холода, рассмеялся:

— Ну что, милорд, кто тут главный?

Беллатриса подбежала к ним, накинула на плечи парня свою шаль:

— Вы оба сумасшедшие! Но... — она посмотрела на музыканта, — ты был великолепен.

Волан-де-Морт промолчал. Его план провалился — вместо демонстрации силы он лишь показал, что соперник ему не уступает.

***

Позже, когда солнце начало клониться к закату, Беллатриса и музыкант бродили по набережной.

— Давай сфотографируемся, — предложила Беллатриса, доставая из сумки старый полароид. — На память.

Они встали у перил, с которых открывался вид на море. Фотограф, местный старик с хитрыми глазами, щёлкнул затвором.

— А теперь... — Беллатриса порылась в кармане и достала крошечную фотографию, на которой была запечатлена она сама — смеющаяся, с развевающимися волосами. — Прикрепи её сюда.

Она протянула снимок музыканту. Тот, улыбнувшись, продел нитку сквозь маленькое отверстие в уголке фото и повесил его на ухо, как серьгу.

— Идеально, — засмеялась Беллатриса. — Теперь ты точно не забудешь меня.

Они направились к канатной дороге. Кабинка, выкрашенная в ярко-красный цвет, медленно поднималась над городом. Внизу остались серые улицы, старые дома с облупившейся штукатуркой и море, которое теперь казалось не таким уж и мрачным.

Беллатриса прижалась к плечу музыканта.

— Знаешь, — прошептала она, — мне кажется, я впервые чувствую себя свободной.

Он обнял её за плечи, и они молча смотрели, как город остаётся позади, а впереди — только синее небо и ветер, который, казалось, шептал: «Перемен требуют наши сердца...»

... Беллатриса стояла, словно окаменев. Воздух вокруг будто сгустился, стал тяжёлым и колючим — каждый вдох давался с трудом. Она смотрела на безжизненное тело Музыканта, и мир вокруг терял краски: море из свинцового превращалось в пепельно-серое, небо над головой — в сплошную серую пелену.

В груди разрасталась пустота — не просто горе, а ощущение, будто из неё вырвали что-то жизненно важное. Она вспомнила его улыбку — ту самую, когда он повесил на ухо серьгу с её фотографией. Вспомнила, как он смеялся, когда они поднимались на канатной дороге, как ветер трепал его волосы... И теперь этого смеха больше не будет. Никогда.

Беллатриса медленно подняла взгляд на Волан-де-Морта.

Он стоял прямо, с привычным ледяным спокойствием, чуть приподняв подбородок, будто только что совершил нечто само собой разумеющееся. В его глазах не было ни раскаяния, ни тени сомнения — лишь холодная уверенность в собственной правоте.

Ошеломление накрыло её волной. Она знала, что Милорд жесток, но никогда не представляла, что эта жестокость может быть такой... бессмысленной. Что он способен убить просто так — чтобы доказать своё превосходство, чтобы стереть с лица земли того, кто посмел бросить ему вызов.

Внутри неё боролись противоречивые чувства:

Шок — она всё ещё не могла до конца осознать, что произошло. Мозг отказывался принимать реальность.

Боль — острая, разрывающая, от которой хотелось согнуться пополам и закричать.

Гнев — тихий, но глущий, поднимающийся откуда-то из глубины души. Не на Музыканта — на того, кто отнял его.

Вина — странная, иррациональная мысль: «Может, если бы я что-то сказала, если бы остановила его...»

Отчуждение — вдруг она отчётливо поняла, что больше не узнаёт того, кто стоял перед ней. Человек, которого она когда-то считала своим покровителем, наставником, почти семьёй, вдруг предстал перед ней как совершенно чужой, пугающий незнакомец.

Она сделала шаг назад. Волан-де-Морт заметил это движение и слегка нахмурился:

— Ты что, оплакиваешь этого мальчишку? — его голос прозвучал ровно, почти скучающе. — Он был ничтожеством.

Беллатриса не ответила. Слова застряли в горле. Вместо этого она почувствовала, как внутри что-то окончательно надломилось. То, что когда-то привязывало её к Милорду, рухнуло в одно мгновение.

Она развернулась и пошла прочь, не оглядываясь. Ноги сами несли её вдоль набережной, мимо знакомых мест, где ещё недавно они смеялись и мечтали. Ветер трепал её волосы, но она не замечала холода. В голове билась единственная мысль: «Всё изменилось. Теперь всё будет по-другому».

Где-то в глубине души она понимала, что этот день разделил её жизнь на «до» и «после». И в «после» не было места тому страху и слепой преданности, которые когда-то управляли ею. Оставались только боль, память о Музыканте — и странное, пока ещё робкое ощущение свободы, смешанное с горечью утраты.

Асса. Темная Симфония.

Ялта дышала зноем, пропитанным запахом соленого моря и цветущих роз. Но в этом солнечном мареве витала иная, более зловещая энергия. Сам Лорд Волан-де-Морт, облаченный в строгий, но от этого не менее угрожающий черный костюм, прибыл на берег. Его цель была не просто в том, чтобы насладиться южным колоритом, а в том, чтобы продемонстрировать свое абсолютное превосходство. И его соперником был не какой-то там могущественный маг, а простой ял-

тинский паренек, чья музыка, казалось, проникала в самые темные уголки души, и чья дерзость бросала вызов самому порядку.

Волан-де-Морт, с его змеиным взглядом, скользил по набережной, словно хищник, выслеживающий добычу. Он знал о парне, о его песнях, о его влиянии на местную молодежь. И он решил, что лучший способ показать свою власть – это унижить его там, где тот чувствовал себя наиболее уверенно: на просторах стихии.

"Мой Лорд, он сделает это иначе," – прошептала Беллатриса, ее глаза горели нездоровым блеском, когда она наблюдала за своим Лордом. – "Он покажет, что даже сама природа склоняется перед ним."

И действительно, Волан-де-Морт не стал просто бросаться в воду. Он подошел к краю пирса, где волны лениво лизали бетон. Он не стал снимать одежду, не стал готовиться. Вместо этого, он поднял руку, и воздух вокруг него словно сгустился. Волны, которые еще секунду назад были спокойны, взметнулись вверх, образуя гигантскую, пульсирующую стену воды. Волан-де-Морт, не моргнув глазом, шагнул вперед, и вода расступилась перед ним, образуя сухой коридор. Он шел по дну моря, словно по земле, а вокруг него, в глубине, мелькали тени неведомых существ, подчиняясь его воле. Он не плыл, он шествовал, демонстрируя, что даже морская пучина – лишь еще одна из его игрушек. Паренек, наблюдавший за этим с берега, почувствовал, как холод пробежал по

его спине. Это было не просто превосходство, это было абсолютное господство.

Но не только Волан-де-Морт был в центре внимания. Беллатриса, всегда жаждущая внимания и власти, нашла себе новое развлечение. Она встретила молодого парня, чьи глаза горели тем же огнем бунтарства, что и у певца, но в нем было что-то более податливое, более восприимчивое к ее темной магии. Он был фотографом, одержимым желанием запечатлеть истинную сущность Ялты, ее скрытую, порочную красоту.

"Ты хочешь увидеть настоящую Ялту, мальчик?" – прошипела Беллатриса, ее пальцы, украшенные кольцами с темными камнями, коснулись его щеки. – "Я покажу тебе ее. И ты запечатлеешь ее так, как никто другой."

Они бродили по городу, и Беллатриса, словно опытный кукловод, направляла его. Она позировала ему на фоне обшарпанных стен, на фоне кричащих вывесок, на фоне закатного неба, окрашенного в кровавые тона. Он снимал ее, очарованный ее дикой, необузданной красотой, ее безумной энергией.

И вот, в один из моментов, когда солнце уже почти скрылось за горизонтом, Беллатриса остановилась у старой, облупившейся стены, увитой диким виноградом. Она повернулась к парню, ее глаза блестели в сумерках. "Сними меня, мальчик," – прошептала она, и в ее голосе звучала не только просьба, но и приказ. Он поднял камеру, и она приняла

позу, полную вызова и соблазна. Щелчок затвора. Еще один. И еще.

Затем, с неожиданной для нее нежностью, Беллатриса взяла одну из фотографий, только что проявленную в его портативной лаборатории, и, проделав в ней небольшое отверстие, ловко продела сквозь него тонкую серебряную цепочку. Она подошла к парню, который все еще был погружен в свои снимки, и, наклонившись, повесила серьгу с ее изображением ему на ухо. "Теперь ты всегда будешь помнить, кто показал тебе истинную красоту," – прошептала она, ее дыхание опалило его кожу. Он вздрогнул, но не отстранился. В его глазах читалось странное сочетание страха и восхищения.

Они поднялись на канатную дорогу. Кабинка медленно ползла вверх, открывая панораму ночной Ялты, усыпанной огнями, словно драгоценными камнями. Беллатриса сидела напротив него, ее взгляд был прикован к его лицу, к серьге с ее фотографией, покачивающейся на его ухе. Она видела, как он меняется, как ее влияние проникает в него, как он становится частью ее мира. Это было опьяняюще.

Но эта идиллия была лишь временной. Волан-де-Морт не терпел соперников, даже если они были всего лишь тенью. Он не терпел, когда его Беллатриса отвлекалась на что-то, что не было им самим. И он не терпел, когда кто-то осмеливался бросать вызов его власти.

Смерть парня была быстрой и безжалостной. Волан-де-

Морт не стал утруждать себя сложными заклинаниями. Он просто появился перед ним, когда тот возвращался домой после очередной ночи, проведенной с Беллатрисой. В его глазах не было ни гнева, ни ненависти, только холодное, расчетливое безразличие. "Ты слишком много знаешь, мальчик," – прошипел он, и в следующий миг парень рухнул на землю, его глаза остекленели, а на лице застыло выражение ужаса.

Беллатриса нашла его тело на рассвете. Она не кричала, не плакала. Ее лицо было бледным, как мел, а глаза расширились от шока. Она видела смерть много раз, она сама была причиной многих смертей. Но эта... эта была другой. Это был не враг, не жертва в пылу битвы. Это был мальчик, который просто хотел запечатлеть красоту, который был очарован ею, Беллатрисой.

Она опустилась на колени рядом с ним, ее пальцы дрожали, когда она коснулась его холодной щеки. Серьга с ее фотографией все еще висела на его ухе, теперь уже безжизненно. В этот момент что-то сломалось внутри нее. Ненависть к Волан-де-Морту, которую она всегда подавляла, скрывая за фанатичной преданностью, вспыхнула с новой силой. Она не могла убить его. Она была слишком глубоко в его власти, слишком сильно связана с ним. Но она была шокирована. Шокирована его жестокостью, его безразличием к жизни, его абсолютным презрением ко всему, что не было им самим.

Она поднялась, ее взгляд был пуст. Ялта, которая еще

вчера казалась ей местом новых возможностей, теперь была лишь декорацией для ее страданий. Она чувствовала себя опустошенной, словно из нее вырвали часть души. Музыка парня, которая когда-то казалась ей лишь фоновым шумом, теперь звучала в ее голове, пронзительная и скорбная. Она понимала, что никогда не сможет забыть его, никогда не сможет забыть этот момент, когда ее Лорд, ее бог, показал ей свою истинную, чудовищную сущность. И в этой пустоте, в этом шоке, в этой новой, жгучей ненависти, Беллатриса поняла, что ее мир, ее вера, ее преданность – все это было лишь иллюзией, разбитой вдребезги на залитой солнцем набережной Ялты.

Место действия (по мотивам романа Дж. Х. Чейза «Весь мир в кармане»)

Действие разворачивается в крупном мегаполисе условного западного государства — скажем, в Нью-Йорке или Лос-Анджелесе. Город сияет неоновыми вывесками, заполнен электромобилями, беспилотными такси и дронами-курьерами. Повсюду камеры наблюдения с распознаванием лиц, умные светофоры, системы анализа больших данных. Роскошные небоскрёбы соседствуют с районами, где люди едва сводят концы с концами.

Герои (с поправкой на современность)

Фрэнк Морган — бывший инженер по кибербезопасности, потерявший работу из-за автоматизации. Теперь перебивается случайными заработками в сервисах доставки. У

него есть ноутбук и базовые навыки взлома, но он не хакер-профи.

Джинни — стримерша с аудиторией в 10 тысяч подписчиков. Ведёт канал про выживание в мегаполисе, но доходы нестабильны. Мечтает вырваться из долгов и купить квартиру в безопасном районе.

Эл — водитель бронированного фургона инкассаторов. Усталый мужчина за 40, задолжавший крупную сумму подпольному кредитору. Видит в ограблении последний шанс начать с нуля.

Трое поделщиков — мелкие мошенники, знакомые по тёмным углам даркнета. Один специализируется на поддельных документах, другой — на глушителях сигнала, третий — на перепродаже краденого через анонимные криптобиржи.

Сюжет

Акт 1. Замысел

Фрэнк случайно узнаёт, что инкассаторский фургон компании SecureCash ежедневно перевозит 3,5 млн в криптовалюте (стабилкоинах). Транзакция фиксируется в блокчейне, но физические «ключи» — зашифрованные флешки — перевозятся в бронированном отсеке. Он предлагает Джинни и Элу дерзкий план:

Перехватить фургон на маршруте через туннель, где слабый сигнал GPS.

Использовать глушитель связи, чтобы отключить удалённую блокировку.

Вскрыть отсек с помощью самодельного декодера (Фрэнк собирает его из запчастей с маркетплейса).

Перекинуть «ключи» на заранее подготовленные крипто-кошельки.

Сбежать в страну без экстрадиции, пока система не отреагировала.

Акт 2. Подготовка

Герои закупают оборудование в даркнете:

дрон-глушитель с радиусом действия 500 м;

3D-печатные маски с функцией «антираспознавания» (искажают черты лица для камер);

фальшивые номера для фургона.

Джинни запускает «прикрытие»: стримит видео из кафе в момент ограбления, чтобы создать алиби. Эл изучает график движения фургона через приложение SecureCash, которое из-за бага показывает данные за час до реального маршрута.

Акт 3. Ограбление

В назначенный день команда действует чётко:

Дрон-глушитель блокирует связь в туннеле.

Фургон останавливают с помощью дистанционно управляемого барьера.

Фрэнк взламывает систему фургона за 7 минут — на 2 минуты дольше, чем рассчитывал.

«Ключи» копируются, оригиналы подменяются на пустышки.

Но система уже отреагировала:
камеры туннеля, работающие офлайн, загрузили запись в облако;
блокчейн-аналитики заметили аномальный перевод;
полиция получила данные о подозрительной активности дрона.

Акт 4. Погоня и крах

Герои пытаются скрыться:
меняют машины на окраинах города;
стирают цифровые следы (но их IP-адреса уже зафиксированы);
пытаются вывести криптовалюту через миксер-сервис (он оказывается под контролем ФБР).

На третий день их ловят:

Фрэнка вычисляют по сигналу ноутбука, который он включил для проверки кошелька;

Джинни выдаёт стриминговая платформа — алгоритм нашёл совпадение лица с записями камер;

Эла задерживают при попытке купить билеты на рейс с помощью поддельной карты.

Финал: система побеждает

Суд транслируется онлайн. Прокурор демонстрирует:
карту перемещений с привязкой к камерам;
логи блокчейна с метками времени;
переписку в зашифрованном мессенджере (взломанную спецслужбами).

Приговор: 15 лет каждому за киберграбёж и создание организованной группы.

В последней сцене Фрэнк смотрит из камеры на экран с рекламой: «Безопасные инвестиции в стабилкоины — доходность 8% годовых». Он понимает, что система не просто сильнее — она превращает даже бунт против неё в контент и статистику. Джинни, давая интервью из-под ареста, невольно рекламирует тот же бренд — её слова монтируют в ролик о «цене жадности». Мир по-прежнему в кармане у корпораций, а отчаянные одиночки — лишь строчка в отчёте о киберпреступлениях.

Ключевые изменения относительно оригинала:

деньги — криптовалюта вместо наличных;

инструменты — дроны, глушилки, блокчейн вместо оружия и грубой силы;

слежка — распознавание лиц и анализ данных вместо полицейских облав;

финал подчёркивает, что в цифровую эпоху система не просто карает — она монетизирует сопротивление.

Весь мир в кармане: Цифровая Одиссея (Перезагрузка 2.0)

Джеймс Хэдли Чейз, мастер триллеров, наверняка бы одобрил эту современную интерпретацию своего "Весь мир в кармане". В наши дни, когда информация – это новая валюта, а технологии – наши верные (и иногда предательские) спутники, история о жажде власти и богатства обретает но-

вые, еще более захватывающие грани.

Герои:

Фрэнк Морган: Все тот же харизматичный, но безжалостный лидер. В 2020-х он не просто "крутой парень", а бывший военный хакер, уволенный из спецслужб за несанкционированные операции. Его "карман" – это не просто портфель, а зашифрованный ноутбук, смартфон с десятками анонимных SIM-карт и доступ к самым темным уголкам даркнета. Он по-прежнему ищет легких денег и острых ощущений, но теперь его оружие – это не пистолет, а клавиатура и дроны.

Блэк: Мускулистый, но не слишком умный исполнитель. В современном мире он – бывший боец ММА, чья физическая сила по-прежнему впечатляет, но теперь он также умеет управлять дронами-разведчиками и взламывать базовые системы безопасности с помощью специализированных гаджетов.

Китсон: Нервный, но технически подкованный член команды. В наши дни он – гений электроники, способный отключить любую систему сигнализации, перехватить радиосигналы и создать помехи для GPS. Его "карман" – это рюкзак, полный портативных устройств для взлома и глушения.

Джипо: Молодой, неопытный, но преданный. В 2020-х он – талантливый, но наивный студент-программист, который восхищается Фрэнком и готов идти за ним куда угодно. Он отвечает за создание фейковых цифровых следов и маскировку IP-адресов.

Джинни: Роковая красавица, чья внешность по-прежнему скрывает холодный расчет. В современном мире она – успешный инфлюенсер, мастер манипуляций в социальных сетях, способная очаровать любого, кто попадетс ей на пути. Ее "сеть" – это миллионы подписчиков, которые готовы следовать за ней куда угодно, и ее умение использовать их для достижения своих целей. Она работает в логистической компании, которая перевозит ценные грузы, и имеет доступ к внутренней информации.

Сюжет:

Фрэнк Морган, уставший от рутины и мелких хакерских взломов, жаждет чего-то большего. Он получает наводку от Джинни, своей бывшей любовницы, которая теперь работает в крупной логистической компании "SecureTrans". Джинни сообщает, что "SecureTrans" готовится перевезти фургон, но не с наличными, а с криптовалютным аппаратным кошельком, содержащим эквивалент миллиона долларов в биткоинах и эфириуме, а также несколько редких NFT-артефактов, чья общая стоимость превышает миллион. Этот фургон будет оснащен по последнему слову техники: GPS-трекеры, камеры с ИИ-распознаванием лиц, датчики движения и усиленная броня.

Предприятие крайне рискованное, но возможный куш – это не просто деньги, а входной билет в мир цифровой элиты. Фрэнк собирает свою команду: Блэка, который теперь не только силен, но и мастерски управляет дронами-перехват-

чиками; Китсона, гения электроники, способного заглушить любые сигналы и взломать любую цифровую защиту; и Джипо, молодого, но талантливого кодера, который будет отвечать за создание цифровых фантомов и отвлекающих маневров в сети.

План Фрэнка – это симфония цифрового и физического взлома. Джинни предоставляет им детальные маршруты, расписание смен охраны и даже коды доступа к некоторым внутренним системам. Она также сообщает, что фургон будет двигаться по маршруту, проходящему через "мертвую зону" – участок дороги, где покрытие сотовой связи и GPS нестабильно из-за особенностей ландшафта и старых военных помех. Это их окно.

Первый этап – цифровая разведка. Джипо, под руководством Фрэнка, создает фейковые аккаунты в социальных сетях, имитирующие сотрудников "SecureTrans", чтобы собрать дополнительную информацию о протоколах безопасности. Китсон сканирует радиочастоты, пытаясь перехватить внутренние коммуникации. Блэк запускает миниатюрные дроны-разведчики, замаскированные под птиц, чтобы получить визуальные данные о фургоне и его сопровождении.

В ночь перед операцией Фрэнк проводит последний инструктаж. "Запомните, парни, – его голос звучит холодно и уверенно, – мы не просто грабим фургон. Мы переписываем правила игры. Никаких следов, никаких свидетелей. Только

чистая, цифровая победа."

Операция начинается. Фургон "SecureTrans", похожий на передвижной бункер, выезжает из хранилища. За ним следуют две машины сопровождения. Китсон, сидя в фургоне-прикрытии в нескольких километрах позади, активирует мощный глушитель сигнала, создавая локальную "черную дыру" в цифровом пространстве вокруг фургона. GPS-трекеры начинают давать сбои, камеры "слепнут", а связь с диспетчерской прерывается.

В этот момент Блэк, управляя модифицированным дроном, оснащенным электромагнитным импульсным излучателем, подлетает к фургону. Короткий, мощный импульс выводит из строя часть электроники фургона, включая систему блокировки дверей. Водители и охранники внутри, ослепленные и оглушенные, пытаются понять, что происходит.

Фрэнк, одетый в тактический костюм и маску, вместе с Джипо, который несет портативный терминал, подъезжает на бронированном внедорожнике. Они быстро нейтрализуют ошеломленных охранников. Пока Блэк держит периметр, Китсон, используя специализированные инструменты, вскрывает бронированные двери фургона.

Внутри – заветный сейф. Но это не просто сейф, а высокотехнологичное хранилище с биометрической защитой и многофакторной аутентификацией. Джипо, дрожа от волнения, подключает свой терминал к порту сейфа. Он начинает лихорадочно вводить команды, пытаясь обойти защиту. Фрэнк

энк стоит рядом, его глаза сверкают от напряжения.

"Быстрее, Джипо! У нас мало времени!" – рычит Фрэнк.

Джипо потеет, его пальцы летают по клавиатуре. Он сталкивается с неожиданным уровнем шифрования. "Черт! Они обновили протоколы! Это не то, что Джинни дала!"

Фрэнк чувствует, как холодный пот стекает по спине. Неужели Джинни их подставила? Или это просто неподвижная сложность?

Внезапно, на экране терминала Джипо появляется сообщение: "Доступ получен". Сейф издает тихий щелчок и открывается. Внутри – несколько небольших, но тяжелых аппаратных кошельков и защищенные контейнеры с NFT-артефактами.

"Есть!" – выдыхает Джипо.

Фрэнк быстро собирает кошельки и контейнеры в специальный, экранированный рюкзак. "Уходим! Быстро!"

Они спешно покидают фургон, оставляя охранников связанными, но невредимыми. Китсон отключает глушитель, и мир вокруг них снова оживает цифровыми сигналами. Фургон-прикрытие, управляемый Блэком, исчезает в ночи, а Фрэнк, Джипо и Китсон уезжают в другом направлении.

Финал:

Команда собирается в заброшенном бункере, который Фрэнк арендовал на даркнете. Напряжение висит в воздухе. Фрэнк подключает аппаратные кошельки к своему защищенному серверу. На экране появляются цифры – миллионы

долларов в криптовалюте.

"Мы сделали это, парни," – говорит Фрэнк, его голос звучит почти благоговейно. "Весь мир в кармане."

Но радость длится недолго. Внезапно, на экране появляется уведомление: "Транзакция заблокирована. Обнаружена подозрительная активность. Требуется дополнительная верификация."

Фрэнк бьет кулаком по столу. "Что за черт?!"

Джипо лихорадочно работает на клавиатуре. "Это... это не просто блокировка. Это система отслеживания. Они знают, что мы взяли кошельки. И они знают, где мы."

В этот момент двери бункера распахиваются. На пороге стоят не полицейские, а люди в черной униформе, без опознавательных знаков. Их лица скрыты масками. В руках у них не пистолеты, а футуристическое оружие, похожее на электрошокеры.

"Фрэнк Морган," – раздаётся холодный, синтезированный голос. "Вы арестованы за незаконное присвоение цифровых активов и нарушение протоколов безопасности."

Фрэнк понимает, что его подставили. Но кто? Джинни? Или кто-то еще более могущественный, кто стоял за "SecureTrans"?

Он пытается выхватить пистолет, но один из людей в масках опережает его, направляя на него оружие. Фрэнк чувствует резкий удар тока, и его тело обмякает.

Блэк и Китсон пытаются сопротивляться, но их быстро

обезвреживают. Джипо, испуганный, пытается убежать, но его ловят.

Их уводят. Фрэнк, ослепленный болью и разочарованием, видит, как один из людей в масках поднимает с пола один из аппаратных кошельков. На его лице, под маской, мелькает едва уловимая улыбка.

В этот момент Фрэнк понимает. Это не просто ограбление. Это была ловушка. Ловушка, расставленная теми, кто контролирует цифровой мир. Теми, кто может позволить себе "Весь мир в кармане" – и отобрать его у любого, кто осмелится попытаться.

Финал остается открытым, как и в оригинале. Фрэнк Морган, некогда считавший, что держит мир в своих руках, теперь оказывается в плену у тех, кто управляет им из тени. Его "цифровой карман" оказался пустым, а его амбиции – лишь ступенькой для кого-то другого. История о жажде власти и богатства в цифровую эпоху получила свое мрачное, но закономерное продолжение. И где-то там, в глубинах даркнета, возможно, уже готовится новая "наводка", новый "миллион", новая ловушка. Ведь мир, даже цифровой, всегда полон сюрпризов.

История Маруси

Маруся жила в старинном городке Тарусе — месте, где каждый камень, казалось, хранил память веков. Над Окой возвышались церкви, по улочкам бродили художники, а воздух был пропитан тишиной и особой, почти волшебной кра-

сотой. Но Маруся всего этого не замечала. Для неё Таруса была просто местом, где день за днём ходили одни и те же петухи и гуси, кудахтали, гоготали и мешали ей мечтать.

Её мать с рассвета до заката стирала чужое бельё — руки в мыльной воде, спина болит, но надо кормить семью. Маруся могла бы помочь: принести воды, развесить простыни, сложить чистое бельё. Но она лишь сидела у окна, подпирая подбородок кулачком, и смотрела вдаль, на луга за рекой. В голове крутились одни и те же мысли: «Как всё надоело... Хоть бы улететь отсюда, хоть бы не видеть этих птиц...»

Однажды к ней зашла подруга — Лиза. Она была не такой, как остальные. В ней было что-то от Лены Бессольцевой из «Чучела»: тихая, но с внутренним стержнем, добрая, но не слабая. Лиза не стала укорять Марусю, не стала читать нотаций. Вместо этого она просто сказала:

— Пойдём со мной. Я покажу тебе кое-что.

Они долго шли по улочкам, пока не оказались у старого дома с резными наличниками.

— Видишь? — спросила Лиза. — Этот дом построил ещё в позапрошлом веке мастер Иван. Он вырезал эти узоры своими руками, вкладывал в них душу. А вон там, за поворотом, — мастерская художника, который пишет Тарусу уже сорок лет. Он говорит, что каждый рассвет здесь — как новое чудо.

Маруся впервые подняла глаза. Заметила, как солнце золотит купола церкви, как красиво изгибается Ока, как пахнут травы на лугу. Она вдруг поняла, что всё это время смот-

рела только вниз — на грязь под ногами и на надоедливых птиц, — и не видела главного.

На следующий день Маруся встала раньше матери. Принесла воды, развела огонь в печи, начала складывать выстиранное бельё. Мать удивлённо подняла брови:

— Дочка, ты что это?

— Мам, — тихо сказала Маруся, — я теперь буду тебе помогать. И знаешь что? Давай в воскресенье пойдём гулять к реке. Я хочу посмотреть на закат. Говорят, он здесь красивый.

Мать улыбнулась, и в её глазах блеснули слёзы. А Маруся вдруг почувствовала, что мир вокруг стал ярче, будто кто-то стёр с него серую пелену. Теперь она знала: красота — она рядом. Нужно только захотеть её увидеть.

Отец Маруси, Иван, в то утро, как обычно, собрался «по делам» — то есть за водкой. Он хмуро накинул куртку, бросил жене короткое: «Я скоро», — и вышел за калитку. В голове крутились привычные мысли: «Всё одно и то же... Работа тяжёлая, денег мало, дома — стирка да хлопоты...»

Он уже почти дошёл до лавки, когда что-то заставило его обернуться. Через улицу, к дому, шла Маруся с Лизой. Дочь смеялась — впервые за долгое время Иван видел её такой светлой. Потом он посмотрел на окно: там, склонившись над корытом с бельём, стояла жена. Иван замер.

Он вдруг увидел всё будто со стороны: усталую спину жены, красные от воды руки, её потускневшие волосы, выбив-

шиеся из-под платка. А рядом — их дочь, которая могла бы помогать, но вместо этого только жалуется да мечтает улететь подальше. И он сам — тот, кто вместо того, чтобы поддержать семью, идёт за бутылкой.

Иван медленно развернулся и пошёл обратно. Ноги сами привели его к калитке. Он постоял немного, глядя, как жена выжимает мокрое полотенце, как тяжело опускаются её плечи после каждого движения. Затем решительно вошёл во двор.

— Марья, — хрипло сказал он, — дай мне... дай мне тоже что-нибудь сделать.

Жена подняла глаза — в них мелькнуло удивление, а потом что-то тёплое, почти забытое.

— Ну... — она огляделась, — вон, воды бы принести. Да и дрова надо подколоть, скоро вечер, печь топить.

Иван кивнул. Он взял ведра и пошёл к колодцу. Движения поначалу были неловкими, непривычными, но с каждым шагом на душе становилось легче. Когда он вернулся и поставил ведра у крыльца, из дома выбежала Маруся.

— Папа? — удивлённо спросила она. — Ты что, домой вернулся?

— Вернулся, — просто ответил Иван. — И больше не уйду. Пора нам всем вместе взяться за дело. Ты ведь уже большая, Маруся. Помогай матери. А я буду рядом.

Маруся молча кивнула. В её глазах больше не было тоски — только робкая надежда. Она посмотрела на отца, потом на

мать, которая вытерла руки о фартук и улыбнулась. Впервые за долгое время в их доме повисло не тяжёлое молчание, а тихая, тёплая тишина — тишина семьи, которая наконец-то начала собираться воедино.

С тех пор многое изменилось. Иван больше не ходил за водкой — вместо этого он чинил забор, колол дрова, помогал жене с тяжёлой работой. Маруся, глядя на отца, стала ещё старательнее помогать матери. А по вечерам вся семья собиралась за столом, пила чай с сушками и просто разговаривала — о том, что видели за день, о соседях, о закате над Окой, который теперь казался Марусе самым красивым на свете.

Гуси, крылья и чужое небо

День в Тарусе начинался с крика петухов и гогота гусей. Для кого-то это был звук просыпающейся, уютной провинции, но для Маруси он был скрежетом ржавых петель на дверях ее личной тюрьмы. Она лежала на скрипучей кровати, зарывшись лицом в подушку, и ненавидела этот звук, этот город, эту жизнь.

Ее мать, тетка Паша, уже с рассвета стояла у корыта во дворе. Пар поднимался от горячей воды, смешиваясь с утренней прохладой. Руки ее, красные и сморщенные, без усталости терли, выжимали, полоскали чужое белье. Целый день стирает прачка... А отец? Отец, как всегда, «пошел за водкой». Эта фраза давно уже не означала короткую отлучку в магазин. Она означала долгое, туманное отсутствие, из которого он возвращался с мутными глазами и злой тоской.

На крыльце, свернувшись калачиком, сидела их собачка Жучка, дворняга с клочковатой шерстью и смешной, похожей на бороду прядкой под нижней челюстью. Она таращила свои умные, печальные глазенки, провожая взглядом и мать у корыта, и редких прохожих. Жучка была единственным существом в доме, которое, казалось, понимало все без слов.

Маруся наконец встала. В окно она видела все то, что опротивело ей до тошноты: пыльную дорогу, соседские заборы и вездесущих, наглых птиц. Петухи да гуси. Сколько ходит их в Тарусе, Господи Иисусе! Они были символом ее унылого, замкнутого мира.

Ей было пятнадцать, и она чувствовала себя бесконечно старой и уставшей. Учителя в школе говорили о великих людях, живших здесь. О Цветаевой, что смотрела на эту же Оку. О Паустовском, что описывал эти самые рассветы. Маруся слушала и не слышала. Какая ей разница до их стихов и рассказов, если ее собственная жизнь – сплошная серая проза? Она не видела ни духовной красоты, ни исторического наследия. Она видела лишь обшарпанные дома, пьяного отца и вечно мокрые руки матери.

Помогать матери она не хотела. Ей казалось унижительным стоять у этого корыта, вдыхать запах щелока и чужого пота. Она хотела другого. Чего? Сама не знала. Хотела улететь. «Вот бы мне такие перья да такие крылья!» – шептала она, глядя на жирного гусака, важно шествовавшего по двору. Улететь, броситься в ковыль, исчезнуть, только чтобы не

видеть, не слышать этого галдящего, бессмысленного мира.

В тот день тоска была особенно острой. Маруся, хлопнув дверью, побрела к реке. Там, на высоком берегу, она увидела свою одноклассницу, Лену.

Лена была... странной. Нескладная, в вечно растянутом свитере, с двумя тонкими косичками и огромными, серьезными глазами за стеклами очков. В классе ее дразнили «Чучелом» – за нелепую внешность и за то, что она никогда не отвечала на насмешки злобой. Она просто смотрела на обидчиков своим ясным, пронзительным взглядом, и те почему-то смущались и отступали.

Сейчас Лена сидела на траве, а рядом с ней стоял этюдник. Она рисовала. Маруся подошла ближе, готовая съязвить что-нибудь про «художницу». Но слова застряли в горле. На холсте была их Таруса. Та же самая, что и за окном Марусино дома, но... другая. Река под кистью Лены не просто текла – она дышала, отражая высокое, трепетное небо. Старые домики на склоне не выглядели обшарпанными – они словно прижимались друг к другу, храня вековые тайны. И даже гуси, которых Лена набросала на переднем плане, не казались наглыми и глупыми. Они были частью этого живого, гармоничного мира.

Лена так увлеклась, что не сразу заметила Марусю. Когда же она подняла голову, в ее больших глазах не было ни удивления, ни настороженности. Она просто улыбнулась, чуть смущенно, словно ее застали за чем-то очень личным.

— Привет, — сказала она тихо. — Смотри, какой сегодня свет. Как будто небо промыли.

Маруся хмыкнула, но уже не так ядовито, как собиралась. Она уставилась на холст.

— И что ты в них нашла? — кивнула она на нарисованных гусей. — Орут с утра до ночи, гадят везде. Мерзкие птицы.

— Почему мерзкие? — Лена склонила голову набок, серьезно разглядывая Марусю, будто та была не менее интересным объектом для изучения, чем пейзаж. — Они важные. Рим спасли, знаешь? И они очень верные. Если у гусыни забрать гусенка, она будет кричать так, будто у нее сердце рвется.

Маруся фыркнула.

— Мне-то что до их сердца. У меня свое рвется.

Она не ожидала, что скажет это вслух. Слова вырвались сами, горькие и колючие. Она ждала насмешки или неловкого молчания. Но Лена посмотрела на нее с таким глубоким, недетским сочувствием, что Марусе стало не по себе.

— Я знаю, — просто сказала Лена. — Я вижу твою маму каждый день у корыта. У нее очень усталые руки. Но сильные.

Она снова повернулась к этюднику и сделала несколько легких мазков, добавляя блики на воду.

— Мой дедушка умер в прошлом году, — продолжила она так же ровно, будто говорила о погоде. — Он был художником. Он говорил, что красота — это не то, что ты видишь,

а то, как ты смотришь. Можно смотреть на лужу и видеть только грязь. А можно увидеть в ней отражение целого неба.

Маруся молчала. Слова Лены, простые и тихие, били точнее самых злых упреков. Она, Маруся, всю жизнь смотрела в лужу. И видела только грязь: пьянство отца, материнскую каторгу, бесконечный гогот гусей. А эта «Чучело», над которой все смеялись, умудрялась разглядеть в той же самой луже небо.

— У меня отец пьет, — вдруг сказала Лена, не отрывая взгляда от холста. — Иногда приходит домой и... ну, ты понимаешь. А мама работает на двух работах. Я после школы бегу домой, чтобы ужин приготовить и убраться. А потом рисую. Дедушка говорил, что это спасает. Когда ты создаешь что-то красивое, ты будто латаешь дыры в мире. И в себе тоже.

Внутри Маруси что-то оборвалось. Она всегда считала себя самой несчастной в Тарусе. Ее страдания казались ей уникальными, огромными, дающими ей право на ненависть и бездействие. А оказалось, что рядом, за соседней партой, сидит девочка, чья жизнь ничуть не легче. Но эта девочка не проклинала свою судьбу. Она брала кисти и рисовала небо в луже. Она готовила ужин для уставшей матери. Она «латала дыры».

А что делала Маруся? Только ныла и мечтала о гусиных крыльях, чтобы улететь. Улететь от матери, которой нужна была помощь. От дома, который разваливался без мужской

руки. От всего, что требовало не побега, а силы.

Жгучий, незнакомый стыд залил ее щеки. Она смотрела на нескладную фигурку Лены, на ее тонкую руки, сосредоточенно выводящие линии на холсте, и видела не «Чучело», а настоящего героя. Героя, который не кричал о своей боли, а тихо и упорно творил красоту.

— Я... я пойду, — пробормотала Маруся, чувствуя, как слова застревают в горле.

Лена подняла на нее взгляд, и в ее глазах мелькнуло что-то похожее на понимание.

— Приходи завтра, — сказала она, снова улыбнувшись. — Может, вместе порисуем. Или просто посидим.

Маруся кивнула, не в силах произнести ни слова, и быстро пошла прочь, чувствуя, как ноги сами несут ее в сторону дома. Она не видела больше ни петухов, ни гусей. Она видела только руки матери, красные и сморщенные, и слышала тихий голос Лены: «Когда ты создаешь что-то красивое, ты будто латаешь дыры в мире. И в себе тоже».

Добравшись до дома, Маруся остановилась у крыльца. Жучка подняла голову, виляя хвостом. Мать, тетка Паша, стояла у корыта, ее спина была согнута под тяжестью работы. Пар от воды окутывал ее, делая фигуру почти призрачной. Маруся смотрела на нее, и впервые за долгое время видела не просто усталость, а силу. Силу, которая держала их семью на плаву, несмотря ни на что.

«Латать дыры», — пронеслось в голове.

Маруся глубоко вздохнула, вдыхая запах щелока и мокрого белья. Это был запах жизни, тяжелой, но настоящей. Она подошла к корыту.

— Мам, — сказала она, и ее голос прозвучал непривычно твердо. — Дай мне полотенце. Я помогу.

Тетка Паша удивленно обернулась. В ее глазах, обычно полных заботы и усталости, мелькнула искра надежды. Она посмотрела на дочь, на ее решительное лицо, и медленно протянула ей мокрое, пахнущее мылом полотенце.

— Спасибо, дочка, — тихо сказала она.

Маруся взяла полотенце. Ее руки, еще не привыкшие к такой работе, почувствовали холод и влагу. Но она не отступила. Она начала выжимать белье, чувствуя, как напрягаются мышцы. Это было тяжело. Но это было не бегство. Это было начало. Начало латать дыры.

В тот вечер, когда отец вернулся, пьяный и злой, Маруся не спряталась в своей комнате. Она сидела на кухне, помогая матери убирать посуду. Она не смотрела на него с ненавистью или страхом. Она просто делала свое дело. И когда отец начал говорить что-то невнятное, Маруся, к своему удивлению, не почувствовала прежней безысходности. Она чувствовала, что у нее есть своя работа. Своя красота, которую она могла создать.

Она знала, что путь будет долгим. Что петухи и гуси будут кричать. Что отец будет пить. Но теперь она знала, что у нее есть выбор. Выбор смотреть на лужу и видеть небо. Выбор

брать кисти, даже если они в руках матери, и помогать латать дыры. И этот выбор, как оказалось, был куда сильнее любых гусиных крыльев.

Возмездие за кощунство (по рассказу В. Шукшина)

В каноническом тексте рассказа Василия Шукшина «Крепкий мужик» не существует альтернативной концовки, где главный герой Николай Шурыгин прямо настаивает на каре свыше за разрушение церкви. Финал остаётся неизменным во всех авторитетных изданиях.

Каноничный финал рассказа

После сноса церкви Шурыгин:

сталкивается с всеобщим осуждением: продавщица яростно высказывает ему неприязнь, жена демонстративно уходит к соседке, а мать проклиняет его, предрекая внезапную беду («то ли дома окочурисся в одночасье, то ли где лесиной прижмёт невзначай»);

обнаруживает, что кирпичи из церкви непригодны для использования (они «литьё» — неразбиваемые);

выпивает в одиночестве, затем решает поехать в районный центр на мотоцикле, чтобы «выпить и поговорить» с председателем колхоза;

нарочито громко поёт, проезжая по деревне, — пытается продемонстрировать, что его не трогают проклятия односельчан.

Рассказ завершается на этой ноте, без явного указания на

божественное возмездие.

Намёки на возможное возмездие

Хотя прямой кары в финале нет, Шукшин оставляет подтексты и намёки:

пророческие слова матери героя о грядущих несчастьях;

всеобщая ненависть односельчан, которая может трактоваться как моральное возмездие;

ироничное противопоставление «крепости» Шурыгина (его упрямства, физической силы) и духовной пустоты, ведущей к разрушению культурного наследия.

Почему нет альтернативной концовки?

Литературоведческие исследования и публикации не фиксируют ни черновиков, ни редакций рассказа с иным финалом. Открытый конец позволяет читателю самому решить, последует ли наказание за поступки Шурыгина — это характерно для стиля Шукшина, который часто оставляет нравственные вопросы без однозначного ответа.

Коротко:

Официальной альтернативной концовки с карой свыше не существует.

Каноничный финал оставляет судьбу героя открытой, акцентируя моральное осуждение и внутренние противоречия персонажа.

Намёки на возмездие присутствуют в репликах и общем настроении рассказа, но не реализуются буквально.

В каноническом тексте рассказа Василия Шукшина

«Крепкий мужик» явной концовки с прямым возмездием (в том числе аварией из-за нетрезвой езды ночью) не представлено — финал остаётся открытым. Однако обстоятельства, в которых герой отправляется в путь, действительно создают напряжённый, символически насыщенный контекст, который читатель волен интерпретировать по-разному.

Ключевые детали, провоцирующие размышления

Нетрезвое состояние и ночь.

Шурыгин выпивает перед поездкой, а ночь традиционно ассоциируется с опасностью, неопределённостью, «тёмной стороной» человеческой души. Это усиливает ощущение роковой неизбежности.

Быстрая езда и громкое пение.

Попытка героя «продемонстрировать силу» (громкое пение, пренебрежение к осуждению односельчан) может трактоваться как бунт против морали и традиций — но одновременно и как бессознательное стремление к саморазрушению.

Пророческие слова матери.

Мать героя проклинает его, предрекая внезапную беду: «то ли дома очокурисся в одночасье, то ли где лесиной прижмёт невзначай». Это создаёт атмосферу неотвратимого возмездия, которое может настичь героя в любой момент.

Символика разрушения церкви.

Снос храма — акт не только материального, но и духовного вандализма. Моральное падение героя, возможно, уже завершено, а физическая кара (если она последует) станет

лишь формальным завершением.

Возможные интерпретации финала

Несчастный случай. Читатель вправе предположить, что нетрезвая езда ночью приведёт к аварии — это станет буквальным воплощением материнского проклятия.

Духовное опустошение. Герой уже наказан нравственно: он потерял уважение общества, разорвал связь с традициями, остался изолированным. Физическая кара здесь вторична.

Открытый финал. Шукшин намеренно оставляет судьбу Шурыгина неопределённой, заставляя читателя самому решить, последует ли возмездие — и в какой форме.

Коротко:

Официальной альтернативной концовки не существует.

Контекст (ночь, алкоголь, пророчества) намекает на возможную беду, но не фиксирует её.

Смысл рассказа сосредоточен не в буквальном наказании, а в нравственном падении героя и критике потребительского отношения к культурному наследию.

*

Николай Шурыгин, хмельной и злой, разогнал мотоцикл, мчась по тёмной дороге. Мотор ревел, фары выхватывали из мрака размытые очертания деревьев. Ветер хлестал по лицу, но Шурыгин лишь усмехался — ему хотелось доказать всем, что его не трогают ни проклятия, ни осуждение.

Но на крутом повороте, где дорога ныряла в овраг, мо-

тоцикл вдруг повело. Шурыгин не справился с управлением: машина взлетела в воздух, с грохотом рухнула в придорожную канаву. Мотоцикл смялся, как жестянка; сам Шурыгин кубарем покатился в траву, чудом оставшись в живых — лишь с переломом руки и глубокими ссадинами.

Несколько дней он пролежал в районной больнице, мрачно глядя в окно, а мысли его кружились вокруг разрушенной церкви, бесполезных кирпичей и ядовитых взглядов односельчан.

А через неделю в деревню пришла весть: учитель, который безуспешно пытался остановить снос церкви, всё-таки написал жалобы в областные инстанции. Проверка вскрыла, что церковь была незарегистрированным памятником архитектуры XVII века, и её разрушение подпало под статью о вандализме.

Шурыгина вызвали в суд. Против него свидетельствовали трактористы, продавщица, несколько старух — все, кто раньше молчал из страха, теперь охотно давали показания. Председатель колхоза открестился от дела, заявив, что Шурыгин действовал самовольно.

Когда новость дошла до деревни, жена Кланька, встретив его у колодца, холодно произнесла:

— А ты чего хотел? Сам заварил кашу...

Мать, до этого молча проклиная сына, теперь лишь махнула рукой:

— Говорила тебе, дурень, не трожь! Теперь отвечай.

Сам Шурыгин угрюмо молчал. В суде он пытался оправдываться, мол, «кирпич нужен был, свинарник строить», но слова его звучали жалко. Приговор оказался условным, но в деревне его теперь сторонились пуще прежнего.

Он вернулся домой, где жена, не глядя на него, сунула миску с остывшей кашей. За окном, где когда-то высилась церковь, теперь торчал бесформенный холм из битого кирпича, поросший молодой крапивой.

«Ну и чёрт с вами», — буркнул Шурыгин, отодвигая миску. Но в глубине души его впервые шевельнулось нечто вроде раскаяния — горькое, запоздалое.

Так и остался он в деревне изгоем, а односельчане, встречая его на улице, лишь отворачивались, будто перед ними стоял не «крепкий мужик», а пустота.

Финал рассказа В. М. Шукшина "Крепкий мужик" (доработанный)

Шурыгин очнулся в больнице. Голова гудела, тело ныло, но главное – он был жив. Мотоцикл, конечно, вдребезги, но это мелочи. Главное, что сам цел. Он даже усмехнулся, вспомнив, как летел в кювет, как земля под ногами уходила. "Крепкий мужик, – подумал он, – не зря меня так называют".

Через несколько дней, когда он уже был дома, хромая, но бодрый, к нему пришел участковый. Шурыгин, поначалу, подумал, что это из-за аварии, но участковый, помявшись, достал бумагу.

– Товарищ Шурыгин, – начал он, – на вас поступило за-

явление.

Шурыгин нахмурился. Заявление? От кого?

– От учителя, – продолжил участковый. – Того самого, что в школе работает.

Шурыгин вспомнил учителя. Сухонький, интеллигентный, с вечно недовольным выражением лица. Он всегда смотрел на Шурыгина с какой-то брезгливостью, будто тот был чем-то изменным и недостойным.

– Он пишет, – участковый зачитал из бумаги, – что вы, находясь в состоянии алкогольного опьянения, совершили акт вандализма, разрушив объект исторического наследия.

Шурыгин опешил. Историческое наследие? Что за бред?

– Какое еще наследие? – спросил он.

– Церковь, – ответил участковый. – Та самая, что вы разобрали на кирпичи. Учитель утверждает, что это был памятник архитектуры, построенный еще в XVII веке. И что вы, желая добыть стройматериал, уничтожили его.

Шурыгин вспомнил церковь. Старая, полуразрушенная, никому не нужная. Он хотел кирпича для нового коровника, а там оказалось "литье" – кирпич такой, что никуда не годится. И вот теперь – памятник архитектуры?

– Да это же просто развалины! – возмутился Шурыгин. – Никому она не нужна была!

– Учитель так не считает, – участковый пожал плечами. – Он написал в район, в область, даже в Москву. И вот, пришло

указание – разобраться.

Через неделю Шурыгина вызвали в суд. Он сидел на скамье подсудимых, слушая, как учитель, с горящими глазами, рассказывал о варварском акте, о разрушении культурного достояния, о том, как такие люди, как Шурыгин, не ценят историю и традиции.

Шурыгин слушал и не верил своим ушам. Он, крепкий мужик, который всю жизнь работал, строил, пахал, теперь сидит здесь, как какой-то преступник, из-за старой церкви.

Когда судья объявил приговор – штраф и общественные работы по восстановлению "исторического объекта" – Шурыгин почувствовал, как в нем что-то надломилось. Он вышел из зала суда, опустив голову.

Дома его ждали жена Кланька и мать. Он ожидал сочувствия, поддержки, но вместо этого увидел в их глазах что-то другое.

– Ну что, – сказала Кланька, – допрыгался?

– А ты чего хотел? – добавила мать. – Всегда ты был такой, непутевый.

Шурыгин посмотрел на них. В их словах не было ни злости, ни упрека. Только какая-то фатальная обреченность, принятие неизбежного. Будто они всегда знали, что рано или поздно он до чего-то такого докатится.

Он молча прошел в комнату, сел на кровать. Впервые в жизни Шурыгин почувствовал себя не крепким мужиком, а каким-то жалким, ничтожным человеком. Он, который все-

гда был хозяином своей жизни, теперь оказался в ловушке, пойманный в сети чужих представлений о "наследии" и "культуре". И самое страшное – его близкие приняли это как должное. "А ты чего хотел?" – эти слова эхом отдавались в его голове, и он не знал, что на них ответить.

В тот вечер, когда он, выпив самогона, поехал к другу в соседний колхоз, он пел во весь голос, заглушая внутреннюю боль: "Плевать я хотел на ваше осуждение! Плевать на ваши законы, на ваши памятники, на ваши бумажки! Я – Шурыгин, я – мужик, я строю, я живу! А вы... вы только болтаете!" – пел он, и в его голосе звучала не бравада, а отчаяние.

Но теперь, сидя в своей избе, он не мог петь. Слова застревали в горле. Он смотрел на свои мозолистые руки, на руки, которые строили дома, копали землю, поднимали тяжести. Эти руки теперь казались ему бесполезными. Что они могли построить против бумаг и судов?

Кланька принесла ему кружку самогона. Он взял ее, но не пил. Смотрел на мутную жидкость, на свое отражение в ней. И видел там не крепкого мужика, а человека, которого сломали. Не физически, нет. Его тело было целым, хоть и болело после аварии. Но сломали его душу.

"А ты чего хотел?" – снова прозвучало в голове. Он хотел жить. Хотел строить. Хотел, чтобы его труд ценили. Хотел, чтобы его понимали. А получил суд, штраф и общественные работы. И осуждение от тех, кого любил.

Он поднял глаза на мать. Она сидела у окна, вязала. Ли-

цо ее было спокойным, но в глазах читалась усталость. Усталость от жизни, от его выходок, от всего.

"Мам, – тихо сказал Шурыгин, – я ведь не хотел ничего плохого. Просто... кирпич нужен был."

Мать не подняла глаз. "Знаю, Шура, знаю. Ты всегда так. С размаху."

Он отвернулся. Впервые в жизни он почувствовал себя одиноким. Не просто одиноким, а покинутым. Его, крепкого мужика, оставили одного против мира, который вдруг решил, что он – не тот, кем он себя считал.

Он встал, подошел к окну. Ночь была темной, без звезд. Казалось, само небо отвернулось от него. Он вспомнил, как раньше, в такие ночи, он любил смотреть на звезды, чувствуя себя частью чего-то большого и вечного. Теперь и это чувство ушло.

Он вышел на крыльцо. Воздух был прохладным. Он глубоко вдохнул. И вдруг, сквозь туманную пелену отчаяния, пробилось что-то другое. Не бравада, не злость. А какая-то тихая, упрямая сила.

"А ты чего хотел?" – прошептал он. И в этом шепоте уже не было вопроса. Было утверждение. Утверждение того, что он – это он. И пусть мир его не понимает, пусть его судят, пусть его близкие говорят "А ты чего хотел?". Он все равно останется Шурыгиным. Крепким мужиком. Может, не таким, каким его хотели видеть другие. Но своим.

Он посмотрел на темный силуэт церкви вдалеке. Она сто-

яла там, полуразрушенная, молчаливая. И Шурыгин понял, что эта церковь – не просто памятник. Это – часть его жизни. Часть его истории. И пусть он ее разобрал, пусть его за это наказали. Он все равно будет помнить. И, может быть, когда-нибудь... когда-нибудь он найдет способ исправить. Не для суда, не для учителя, а для себя.

Он вернулся в избу. Кланька смотрела на него.

"Ты чего?" – спросила она.

Шурыгин улыбнулся. Улыбка была слабой, но искренней.

"Ничего, Кланька. Просто... подумал."

Он взял кружку самогона и выпил. Крепкая жидкость обожгла горло, но в этот раз это было не отчаяние. Это было начало. Начало чего-то нового. Чего-то, что он сам, Шурыгин, построит. И пусть это будет не церковь, и не коровник. Это будет что-то другое. Что-то свое. И никто не сможет ему сказать: "А ты чего хотел?". Потому что он сам будет знать.

Современная версия пьесы «Тартюф»

Действующие лица:

Оргон — успешный бизнесмен, глава семьи, доверчив и склонен идеализировать людей.

Эльмира — его жена, умная и проницательная женщина.

Дамис — сын Оргона, импульсивный и прямолинейный.

Марианна — дочь Оргона, мягкая и застенчивая.

Клеант — брат Эльмиры, рассудительный и честный человек.

Тартюф — молодой харизматичный мошенник, притворяется глубоко верующим и добродетельным.

Дорина — горничная в доме Оргона, остроумная и наблюдательная.

Мадам Пернель — мать Оргона, убеждена в святости Тартюфа.

Действие I

Сцена: гостиная в загородном доме Оргона. Уютный интерьер в современном стиле. На стене — несколько картин, на полках — награды и дипломы.

Мадам Пернель. Оргон, я в последний раз тебе говорю: Тартюф — это дар свыше. Он единственный, кто может направить твою семью на путь истинный.

Оргон. Мама, я и так всё делаю для него. Он живёт у нас, я даю ему деньги, прислушиваюсь к его советам...

Дорина (тихо, Эльмире). Да он скоро весь дом себе заберёт, этот «святой».

Эльмира. Дорина, тише. Но ты права, что-то тут не так.

Мадам Пернель. Ты, Эльмира, слишком легкомысленна. Тебе бы только в соцсетях сидеть да на встречи ходить. А Тартюф — он о душе думает.

Оргон. Мама права. Тартюф — образец добродетели. Вчера он отказался от нового костюма, сказал, что скромность важнее.

Дамис. Да он просто ждёт, пока ты ему новый купишь!

Оргон. Молчи, неблагодарный! Тартюф учит нас смире-

нию.

Марианна. Папа, но я не хочу выходить за него замуж...

Оргон. Это для твоего же блага. Он обеспечит тебе достойную жизнь.

Клеант. Оргон, может, стоит присмотреться к нему получше? Слишком уж он идеален.

Оргон. Вы все просто завидуете его чистоте!

(Входит Тартюф. Одет скромно, но аккуратно. Улыбается всем, но взгляд холодный.)

Тартюф. Простите за опоздание. Помогал бездомным.

Дорина (шёпотом). И наверняка взял с них «пожертвование».

Оргон. Тартюф, ты ангел во плоти!

Тартюф. Не стоит, друг мой. Я всего лишь слуга Господа и ваш покорный слуга.

(Все расходятся. Тартюф остаётся наедине с Дориной.)

Тартюф. Дорина, милая, не могла бы ты передать Эльмире, что я хотел бы поговорить с ней наедине?

Дорина. И что же вы хотите ей сказать?

Тартюф. О духовном, разумеется. О спасении души.

Дорина. Да-да, конечно. Только вот душа у вас слишком уж земная.

Тартюф. Ты слишком дерзка для горничной.

Дорина. Зато честна. И я вас раскусила.

Тартюф. Посмотрим, кто кого.

(Уходит. Дорина хмурится.)

Действие II

Сцена: та же гостиная. Эльмира и Дорина.

Эльмира. Он правда просил передать, что хочет со мной поговорить?

Дорина. Да. И взгляд у него был какой-то не духовный.

Эльмира. Хорошо, я с ним поговорю. Но ты останься поблизости.

(Входит Тартюф.)

Тартюф. Эльмира, я должен вам кое-что сказать... Ваша красота затмевает свет истины.

Эльмира. Что вы имеете в виду?

Тартюф. Я... я не могу больше скрывать. Я влюблён в вас. И готов на всё, чтобы быть рядом.

Эльмира. Вы забываетесь, Тартюф. Я замужем.

Тартюф. Но ваш муж... он слеп. А я вижу вас настоящую.

Дорина (выходит из укрытия). И что же вы предлагаете, «святой отец»?

Тартюф. Это не то, что вы подумали...

Эльмира. Я всё поняла. И расскажу Оргону.

Тартюф. Если вы это сделаете, я расскажу ему, что вы сами меня соблазнили. И у меня есть свидетели.

Дорина. Ах ты...

Эльмира. Успокойся, Дорина. Мы что-нибудь придумаем.

Действие III

Сцена: кабинет Оргона. Оргон, Эльмира, Дорина.

Эльмира. Оргон, послушай меня. Тартюф не тот, за кого

себя выдаёт.

Оргон. Опять эти наветы!

Дорина. Он сам признался, что влюблён в Эльмиру!

Оргон. Не верю. Тартюф — святой.

Эльмира. Тогда давай проверим. Я приглашу его сюда, а ты спрячься и послушай.

Оргон. Хорошо. Но если это шутка...

(Оргон прячется за шторой. Входит Тартюф.)

Эльмира. Тартюф, я долго думала над вашими словами.

И, кажется, вы правы. Мой муж меня не понимает.

Тартюф. О, Эльмира! Я знал, что вы поймёте!

Оргон (выглядывает). Что это значит?

Тартюф. Оргон? Я... я объясню!

Оргон. Вон! Убирайся из моего дома!

Тартюф. Вы пожалеете! У меня есть документы, которые передадут ваш бизнес мне!

Дорина. Так я и знала!

Клеант. Спокойно, друзья. У меня есть знакомый юрист. Он поможет всё отменить.

Действие IV

Сцена: тот же кабинет. Входит полицейский.

Полицейский. Оргон, у меня ордер на ваш арест. По обвинению в финансовых махинациях.

Оргон. Что? Это ложь!

Тартюф (входит следом). Увы, друг мой, но факты говорят сами за себя.

Эльмира. Это вы всё подстроили!

Полицейский. У нас есть доказательства.

(Вдруг входит юрист Клеанта.)

Юрист. Пойдите. Эти документы — подделка. Мы нашли доказательства мошенничества Тартюфа.

Полицейский. Что?

Юрист. Да, он пытался захватить бизнес Оргона, подделывая подписи.

Полицейский. Тартюф, вы арестованы.

Тартюф. Но... но...

Оргон. Я был слеп. Простите меня, семья.

Эльмира. Главное, что всё закончилось хорошо.

Дорина. А я говорила!

Все (смеются).

Финал

Все собираются в гостиной. Тартюфа уводят. Оргон обнимает семью.

Оргон. Больше никаких лжецов в нашем доме. Только честность и любовь.

Марианна. И свобода выбирать своё счастье.

Дамис. И никаких «святых» советчиков.

Клеант. Мудрость — в доверии, но не в слепоте.

Дорина. И в том, чтобы слушать горничных.

Все смеются. Занавес.

Тартюф 2.0: Цифровой Святой

Действующие лица:

Оргон: Успешный бизнесмен, владелец крупной IT-компании. Человек, привыкший к контролю и порядку, но в последнее время подверженный влиянию.

Эльмира: Жена Оргона. Красивая, умная женщина, обеспокоенная странным поведением мужа.

Дамис: Сын Оргона от первого брака. Молодой, импульсивный, с обостренным чувством справедливости.

Марианна: Дочь Оргона. Тихая, мечтательная девушка, влюбленная в молодого дизайнера.

Клеант: Брат Эльмиры. Рациональный, скептически настроенный человек, пытающийся вразумить Оргона.

Дорина: Служанка. Острая на язык, наблюдательная, не терпящая лицемерия.

Тартюф: Молодой, харизматичный мужчина лет тридцати. Одет безупречно, но сдержанно, с легким налетом "духовности". Его глаза – острые, оценивающие, всегда ищущие выгоду.

Лоик: Помощник Тартюфа. Тихий, исполнительный, всегда на подхвате.

Сцена 1:

Гостиная Оргона. Роскошный, но несколько безликий интерьер, отражающий успех хозяина. Оргон сидит в кресле, погруженный в чтение какой-то брошюры с религиозным уклоном. Эльмира пытается привлечь его внимание.

Эльмира: Оргон, дорогой, ты уже третий час сидишь с этой книгой. Может, выйдем на террасу? Погода чудесная.

Оргон: (Не отрываясь от книги) Терраса подождет, Эльмира. Я постигаю истину. Истина требует сосредоточенности.

Эльмира: Истина, которая заставляет тебя забыть о жене и детях?

Оргон: Ты не понимаешь, Эльмира. Я нашел человека, который открыл мне глаза на суету этого мира. На его тщетность.

Эльмира: Кого ты имеешь в виду? Этого... Тартюфа?

Оргон: (С благоговением) Тартюф – это дар небес! Он живет в нашем доме, и его присутствие очищает его. Его мудрость, его смирение...

Эльмира: Его смирение заключается в том, что он живет за твой счет, Оргон?

Оргон: Ты говоришь так, потому что не видишь его истинной природы. Он – образец праведности. Он учит меня, как жить правильно, как отречься от мирских соблазнов.

Входит Дамис, раздраженный.

Дамис: Отец, ты опять проводишь время с этим... святошей? Я хотел обсудить с тобой новую рекламную кампанию, но ты опять занят.

Оргон: Дамис, не смей так говорить о человеке, который ведет меня к свету! Ты молод, ты еще не познал истинной жизни.

Дамис: Истинная жизнь – это не сидеть в четырех стенах и слушать проповеди от проходимца!

Оргон: Проходимец?! Ты оскорбляешь человека, который стал мне ближе брата!

Входит Марианна, робко.

Марианна: Папа, я хотела попросить тебя...

Оргон: (Перебивая) Марианна, ты тоже должна учиться у Тартюфа. Его пример – это урок для всех нас.

Марианна: Но, папа... Я хотела поговорить о Валери. Он пригласил меня на выставку...

Оргон: (Резко) Никаких выставок! Ты будешь проводить время в молитвах и размышлениях, как учит Тартюф.

Марианна опускает глаза, расстроенная.

Сцена 2:

Комната Тартюфа. Он сидит за столом, перебирая пачки денег. Рядом Лоик.

Тартюф: (Улыбаясь, поглаживает купюры) Отличный улов, Лоик. Оргон – золотая жила. Его вера в мою "духовность" безгранична.

Лоик: Он действительно верит, что вы святой, господин Тартюф. Он даже отдал вам ключи от своего сейфа.

Тартюф: (Смеется) Мелочи. Главное – его доверие. И его влияние. Он – фигура в городе. А я, благодаря ему, скоро стану еще более значимой фигурой. Представь, Лоик, я, Тартюф, из ниоткуда, стану частью элиты. А потом и сам буду диктовать правила.

Лоик: А что насчет его семьи? Они вас ненавидят.

Тартюф: Ненависть – это топливо. Она делает их предска-

зuemыми. Дамис – горячий, Марианна – наивная, Эльмира – слишком умная, но и ее можно использовать. Главное – Оргон. Пока он в моей власти, остальные бессильны.

Входит Дорина, без стука.

Дорина: (Скрестив руки на груди) О, господин Тартюф! Вы тут, значит, "молитесь" за благополучие семьи, а сами...

Тартюф: (Спокойно, с легкой улыбкой) Дорина, дорогая, ты опять вторгаешься в мои личные дела. Разве я не просил тебя быть более сдержанной?

Дорина: Сдержанной? Когда вы обворовываете моего хозяина, а его детей доводите до отчаяния?

Тартюф: Ты слишком эмоциональна, Дорина. Твои слова – это клевета. Я лишь помогаю Оргону найти путь к истине.

Дорина: Истина, которая ведет к вашему обогащению?

Тартюф: (Встает, подходит к Дорине, смотрит ей в глаза) Дорина, ты рискуешь. Оргон очень ценит меня. Одно мое слово – и ты лишишься своего места.

Дорина: (Не отступая) Я не боюсь вас, Тартюф. Я видела таких, как вы, сотни раз. Вы – обычный мошенник, прикрывающийся верой.

Тартюф: (Улыбается, но глаза холодные) Что ж, посмотрим.

Сцена 3:

Гостиная. Клеант пытается поговорить с Оргоном.

Клеант: Оргон, ты не видишь, что происходит? Этот Тартюф – он манипулирует тобой! Он отдалил тебя от семьи, он

заставляет тебя принимать абсурдные решения.

Оргон: Ты не понимаешь, Клеант. Ты слишком привязан к мирским благам. Тартюф учит меня отречению.

Клеант: Отречению от здравого смысла? От любви к своим детям? Ты собираешься выдать Марианну за этого... Тартюфа?

Оргон: (Твердо) Да. Это будет благо для нее. Тартюф – человек праведный, он обеспечит ей духовное развитие.

Клеант: (В отчаянии) Но она любит другого! Она любит Валери!

Оргон: Любовь – это суета. Тартюф – это стабильность, это путь к спасению.

Входит Эльмира.

Эльмира: Оргон, я должна поговорить с тобой. Наедине.

Оргон: (Вздыхает) Что еще, Эльмира?

Эльмира: Я хочу, чтобы ты спрятался. За этой ширмой. И послушал, что Тартюф скажет мне.

Оргон: Зачем?

Эльмира: Чтобы ты сам убедился в его истинной натуре. Он не тот, за кого себя выдает.

Оргон: (Сомневаясь) Я не верю тебе. Но... хорошо. Я спрячусь. Но если ты ошибаешься, Эльмира, ты пожалеешь.

Оргон прячется за ширмой. Входит Тартюф.

Тартюф: (Сразу же меняя тон, становится более фамильярным) Эльмира, дорогая. Я так рад, что мы наконец-то наедине.

Эльмира: (Холодно) Что вы хотите, Тартюф?

Тартюф: (Приближаясь, его взгляд становится более откровенным) Ты прекрасна, Эльмира. И я не могу больше скрывать своих чувств. Твой муж... он слеп. Он не видит твоей красоты, твоей души.

Эльмира: (С отвращением) Вы говорите это мне? Человеку, которого мой муж считает своим духовным наставником?

Тартюф: (Игнорируя ее слова, берет ее за руку) Я вижу в тебе то, что скрыто от других. Я вижу страсть, которую ты подавляешь. Я могу дать тебе то, чего не может дать Оргон.

Эльмира: (Резко выдергивает руку) Вы отвратительны! Вы – лжец и лицемер!

Тартюф: (Невозмутимо) Не спеши с выводами, Эльмира. Подумай. Я могу предложить тебе... многое. Власть, положение...

Эльмира: (Громко) Оргон! Выходи!

Оргон выходит из-за ширмы, бледный и потрясенный.

Оргон: (Шепотом) Тартюф...

Тартюф: (Мгновенно меняя выражение лица, становится "оскорбленным") Оргон! Ты видел? Ты слышал? Эта женщина... она пытается соблазнить меня! Она клеветает на меня!

Оргон: (Смотрит на Тартюфа, потом на Эльмиру, в его глазах смятение) Я... я не понимаю.

Эльмира: (С горечью) Оргон, он лжет! Он пытался...

Оргон: (Перебивает, его голос дрожит) Я... я должен по-

думать.

Сцена 4:

Кабинет Оргона. Оргон сидит за столом, опустошенный.

Входит Клеант.

Клеант: Оргон, ты наконец-то увидел. Ты понял, кто такой Тартюф.

Оргон: (Смотрит в пустоту) Я... я не знаю, что думать. Эльмира говорит одно, Тартюф – другое.

Клеант: Тартюф – мошенник, Оргон! Он обманывает тебя! Он хочет завладеть твоим имуществом! Он даже пытался соблазнить твою жену!

Оргон: (Вздрагивает) Соблазнить Эльмиру? Этого не может быть!

Клеант: Ты сам это видел! Ты слышал его слова!

Оргон: Но он так искренне говорил о вере... о духовности...

Клеант: Это была игра, Оргон! Игра на твоей наивности! Ты отдал ему все, что у тебя есть. Он даже получил от тебя документы на дом!

Оргон: (В ужасе) Документы? На дом? Нет... этого не может быть!

Входит Дамис, возбужденный.

Дамис: Отец! Я только что слышал от слуг! Тартюф собирается выгнать нас из дома! Он сказал, что теперь это его собственность!

Оргон: (Вскакивает) Что?! Это ложь!

Входит Дорина.

Дорина: Не ложь, господин Оргон. Я сама слышала. Он уже распорядился, чтобы вещи ваши собрали. И сказал, что вы теперь ему никто.

Оргон падает в кресло, обессиленный.

Оргон: Я... я был слеп. Я позволил ему обмануть себя.

Входит Тартюф, одетый в дорогой костюм, с самодовольной улыбкой. Он держит в руке папку с документами.

Тартюф: (С легким поклоном) Оргон, дорогой. Я пришел забрать свои вещи. И, конечно, ключи от дома.

Оргон: (Смотрит на него с ненавистью) Ты... ты чудовище!

Тартюф: (Смеется) Чудовище? Я – человек, который помог тебе избавиться от мирских забот. Теперь ты можешь полностью посвятить себя духовным поискам. А я... я займусь делами.

Дамис: (Бросается на Тартюфа) Ты не получишь ничего! Мы не позволим тебе!

Тартюф: (Спокойно) Дамис, не горячись. Все законно. Оргон сам подписал все документы. Он передал мне право собственности. Это его жертва ради духовного очищения.

Эльмира: (Подходит к Оргону, кладет руку ему на плечо) Оргон, мы справимся. Вместе.

Клеант: (Смотрит на Тартюфа с презрением) Ты думаешь, что победил? Ты думаешь, что сможешь так просто разрушить все?

Тартюф: (Усмехается) Я уже победил. А вы... вы просто жалкие неудачники, которые цепляются за прошлое.

В этот момент дверь распахивается, и входит группа людей в строгих костюмах, с папками и планшетами. Среди них – человек в форме, с серьезным выражением лица.

Человек в форме: Господин Оргон? Мы из антикоррупционного бюро. Нам поступила информация о мошеннических схемах, связанных с вашим имуществом.

Оргон, Эльмира, Дамис и Клеант смотрят на Тартюфа с удивлением и надеждой. Тартюф же, напротив, теряет самообладание. Его самодовольная улыбка исчезает, сменяясь паникой.

Тартюф: (Заикаясь) Что... что это значит? Я ничего не знаю...

Человек в форме: (Обращаясь к Тартюфу) А вы, молодой человек, похоже, очень хорошо знаете. Ваши "духовные практики" привлекли наше внимание. Особенно ваши финансовые операции.

Тартюф: (Пытается вырваться) Это недоразумение! Я невиновен!

Человек в форме: (Кивает своим помощникам) Возьмите его. И проверьте все документы, которые он принес с собой. Особенно те, что касаются передачи собственности.

Двое мужчин в костюмах подходят к Тартюфу и берут его под руки. Тартюф пытается сопротивляться, но безуспешно. Его глаза мечутся по комнате, ища спасения, но находит

лишь осуждающие взгляды.

Оргон: (Смотрит на уходящего Тартюфа, затем на свою семью) Я... я не могу поверить.

Клеант: (Кладет руку на плечо Оргона) Ты увидел, Оргон. Ты увидел, кто он на самом деле. И теперь справедливость восторжествует.

Эльмира: (Обнимает Оргона) Главное, что мы вместе. И что мы больше не под его влиянием.

Дамис: (Смотрит на дверь, за которой исчез Тартюф) Этот проходимец думал, что сможет нас обмануть. Но он ошибся.

Дорина: (С довольной улыбкой) Я же говорила. Такие, как он, всегда попадают. Главное – не терять бдительности.

Человек в форме подходит к Оргону.

Человек в форме: Господин Оргон, мы проведем тщательное расследование. Если выяснится, что документы были получены обманным путем, они будут признаны недействительными. Ваше имущество будет возвращено.

Оргон кивает, чувствуя, как тяжесть сваливается с его плеч. Он смотрит на свою семью, и в его глазах появляется свет.

Оргон: Спасибо. Спасибо вам всем. Я... я был так слеп.

Клеант: Главное, что ты прозрел. И что мы снова вместе.

Эльмира: Теперь мы будем внимательнее. И будем доверять друг другу.

Дамис: И больше никаких "духовных наставников" в нашем доме!

Все смеются. Тартюф, цифровой святой, оказывается всего лишь обычным мошенником, чья игра была раскрыта. И хотя новые технологии не были использованы в его разоблачении, старые, проверенные методы – наблюдательность, здравый смысл и любовь близких – оказались сильнее.

Занавес.

Дорога, которой нет (по песне «Трасса Е-95»)

Моё солнце горело на стыке ветров, там, где семь холмов обнимали город, а небо, опрокинутое дождём в ночь, отражало тени пяти углов. Я не знал, сколько троп и дорог сплелись для меня в одну, но я шёл по своей земле, к небу, которым жил.

Снова в ночь летели дороги, меняя день на рассвет. Кому-то доставались извилистые тропы, кому-то – широкие проспекты, а мне – трасса «Е-девятьюсто пять». Она была моей спутницей, моей исповедницей, моей единственной константой в мире перемен.

Только в двух городах я чувствовал себя дома, даже будучи гостем. Там, где Нева становилась морем, я видел Крымский мост – символ соединения, мост между мирами, между прошлым и будущим. И в полдень, сквозь звон колоколен, будто в двух шагах, я слышал гром Петропавловской пушки на Покровах. Это был голос истории, голос предков, зовущий меня вперёд.

Снова в ночь летели дороги, меняя день на рассвет. Кому-то доставались извилистые тропы, кому-то – широкие

проспекты, а мне – трасса «Е-девятьюсто пять». Она была моей спутницей, моей исповедницей, моей единственной константой в мире перемен.

Над головой синяя даль ладила мосты до звёзд. Я был уверен, что когда-нибудь стану лучом звезды, растворюсь в этом бескрайнем пространстве, стану частью чего-то большего. Но пока, там, где вечерний туман ставил на дальний свет, я летел по своей земле дорогой, которой нет.

Это была дорога не на карте, не в атласе. Это была дорога души, дорога сердца, дорога, проложенная моими мечтами и стремлениями. Она вела меня сквозь города и веси, сквозь радости и печали, сквозь встречи и расставания. Она вела меня к себе, к своему истинному «я».

Снова в ночь летели дороги, меняя день на рассвет. Кому-то доставались извилистые тропы, кому-то – широкие проспекты, а мне – трасса «Е-девятьюсто пять». Она была моей спутницей, моей исповедницей, моей единственной константой в мире перемен. И я знал, что пока я иду по этой дороге, пока моё солнце горит на стыке ветров, пока моё небо отражает тени пяти углов, я живу. И это главное.

*

Он шёл по земле, которую считал своей, — не по карте, не по чётким линиям маршрутов, а по невидимой тропе, сплетённой из воспоминаний, ожиданий и тихой внутренней уверенности. Небо над головой будто хранило его: даже когда дождь опрокидывал тучи в ночную тьму, он чувствовал, что

где-то там, за тучами, горит его солнце — на стыке ветров, у границы семи холмов.

Дороги давно сплелись для него в одну — не прямую, не простую, но единственно верную. Он не выбирал её сознательно: она сама выбрала его, как выбирает судьба тех, кто готов идти до конца. И теперь он шёл — мимо теней пяти углов, мимо мест, где время будто замедляет ход, а воздух густ от истории.

Трасса «Е-95» стала его спутницей — не просто номером на дорожном указателе, а символом пути. По ней он мчался из ночи в рассвет, меняя один день на другой, оставляя позади километры и собирая внутри себя мгновения, которые не измерить спидометром.

Дома он чувствовал себя лишь в двух городах. В одном Нева, величавая и спокойная, становилась морем — там, где вода сливалась с небом на горизонте, а воздух пах солью и дальними странствиями. В другом — сквозь звон колоколен в полдень доносился гром Петропавловской пушки, будто напоминание о чём-то важном, древнем, что живёт в каждом камне, в каждом повороте улиц. На Покровах этот звук был особенно чётким — будто пушка стреляла где-то рядом, в двух шагах. И даже когда он был далеко, этот гром звучал в его памяти, как метроном, отсчитывающий ритм его жизни.

Он видел Крымский мост — не только как сооружение из бетона и стали, а как символ связи, как нить, протянутую между берегами, между прошлым и будущим. Мост, кото-

рый соединял не просто земли, а части его души.

Вечер опускался на дорогу, окутывая мир туманом. Фары выхватывали из темноты лишь небольшой участок пути — остальное оставалось загадкой. Он включил дальний свет, и машина рванула вперёд, рассекая сумрак. Дорога, которой, казалось, не было ни на одной карте, вела его дальше — туда, где синяя даль над головой ладит до звёзд мосты.

В такие минуты он думал о том, что когда-нибудь, возможно, станет лучом звезды. Не в буквальном смысле, конечно, а в том, что его путь, его свет — пусть даже слабый — останется в мире, коснётся кого-то, даст опору или надежду.

А пока он летел вперёд — по своей земле, по трассе «Е-95», сквозь ночь и рассвет, сквозь воспоминания и мечты. Дорога звала его, а он отвечал ей шагом, рулём, биением сердца — потому что это был его путь. И другого ему не нужно.

Его дорога

Он ехал на мощном внедорожнике — тяжёлом, надёжном, с рычащим мотором и широкими колёсами, готовыми к любым испытаниям. Машина послушно откликалась на каждое движение руля, будто чувствовала настроение водителя: то плавно скользила по ровному асфальту трассы, то уверенно брала крутой подъём, то с лёгким пробуксовкой преодолевала раскисший участок просёлочной дороги.

Он мчался по земле, которую считал своей, — не по карте, не по чётким линиям маршрутов, а по невидимой тропе,

сплетённой из воспоминаний, ожиданий и тихой внутренней уверенности. Небо над головой будто хранило его: даже когда дождь опрокидывал тучи в ночную тьму, он чувствовал, что где-то там, за тучами, горит его солнце — на стыке ветров, у границы семи холмов.

Дороги давно сплелись для него в одну — не прямую, не простую, но единственно верную. Он не выбирал её сознательно: она сама выбрала его, как выбирает судьба тех, кто готов идти до конца. И теперь он ехал — мимо теней пяти углов, мимо мест, где время будто замедляет ход, а воздух густ от истории.

Трасса «Е-95» стала его спутницей — не просто номером на дорожном указателе, а символом пути. По ней он гнал из ночи в рассвет, меняя один день на другой, оставляя позади километры и собирая внутри себя мгновения, которые не измерить спидометром. Ветер свистел в боковых зеркалах, фары выхватывали из темноты разметку и дорожные знаки, а приборная панель мягко светилась в полумраке кабины.

Дома он чувствовал себя лишь в двух городах. В одном Нева, величавая и спокойная, становилась морем — там, где вода сливалась с небом на горизонте, а воздух пах солью и дальними странствиями. В другом — сквозь звон колоколен в полдень доносился гром Петропавловской пушки, будто напоминание о чём-то важном, древнем, что живёт в каждом камне, в каждом повороте улиц. На Покровах этот звук был особенно чётким — будто пушка стреляла где-то рядом,

в двух шагах. И даже когда он был далеко, этот гром звучал в его памяти, как метроном, отсчитывающий ритм его жизни.

Он видел Крымский мост — не только как сооружение из бетона и стали, а как символ связи, как нить, протянутую между берегами, между прошлым и будущим. Мост, который соединял не просто земли, а части его души. Иногда, проезжая мимо или глядя на него издалека, он замедлял ход, опускал стекло и просто смотрел — долго, внимательно, будто впитывая эту мощь и надёжность.

Вечер опускался на дорогу, окутывая мир туманом. Фары выхватывали из темноты лишь небольшой участок пути — остальное оставалось загадкой. Он включил дальний свет, и внедорожник рванул вперёд, рассекая сумрак. Дорога, которой, казалось, не было ни на одной карте, вела его дальше — туда, где синяя даль над головой ладит до звёзд мосты.

В такие минуты он думал о том, что когда-нибудь, возможно, станет лучом звезды. Не в буквальном смысле, конечно, а в том, что его путь, его свет — пусть даже слабый — останется в мире, коснётся кого-то, даст опору или надежду.

А пока он летел вперёд — по своей земле, по трассе «Е-95», сквозь ночь и рассвет, сквозь воспоминания и мечты. Дорога звала его, а он отвечал ей нажатием педали газа, поворотом руля, сосредоточенным взглядом — потому что это был его путь. И другого ему не нужно.

Внедорожник плавно притормозил у обочины на Дворцовой набережной. Водитель выключил двигатель — и сразу

стало слышно, как плещутся волны у гранитной набережной, как перекликаются чайки, как доносится отдалённый гул города, смягчённый расстоянием и свежестью речного воздуха.

Он вышел из машины, вдохнул полной грудью — в воздухе смешались запахи Невы, камня, чуть-чуть выхлопных газов и чего-то неуловимо родного, петербургского. Рядом, в небольшом киоске с панорамным окном, продавали воду в стеклянных бутылках — он купил одну, откупорил и сделал несколько глотков. Холодная, чистая вода освежила, вернула ощущение ясности.

Опершись на капот внедорожника, он посмотрел вдаль. Перед ним раскинулась Нева — величественная, спокойная, с лёгкой рябью на поверхности. В лучах полуденного солнца блестели купола соборов, золотились шпили, а на другом берегу чётко вырисовывались силуэты исторических зданий. Он знал каждый изгиб этой линии, каждый камень — всё это было частью его памяти, его корней.

И в этот момент раздался выстрел.

Громкий, раскатистый, он прокатился над водой, эхом отразился от стен дворцов и растворился в просторе неба. Полуденный выстрел с Нарышкина бастиона Петропавловской крепости — тот самый, который он слышал в детстве, который звучал и в юности, и в зрелые годы, куда бы он ни уезжал.

На лице его сама собой появилась улыбка. Он невольно выпрямился, будто получив незримое подтверждение: всё

идёт своим чередом. Город живёт, время течёт, традиции сохраняются. Где-то там, на бастионе, как и сотни раз до этого, произвели выстрел точно в полдень — значит, часы идут верно, жизнь идёт по своему закону, а он, стоящий здесь, на набережной, всё ещё часть этого большого, живого механизма.

Он поднял бутылку, словно чокаясь с городом:
— Значит, всё в порядке, — тихо произнёс он.

Снова сделал глоток воды, закрыл бутылку и оглянулся на машину. Пора было ехать дальше — трасса «Е-95» ждала, дорога звала вперёд. Но теперь он чувствовал себя легче, будто подзарядился от родных берегов, от знакомого выстрела, от самого воздуха Петербурга.

Он сел в внедорожник, завёл двигатель, бросил последний взгляд на Неву — и тронулся с места. Впереди были километры пути, но теперь он знал точно: куда бы ни завела дорога, эти берега, этот выстрел, этот город всегда будут с ним.

Он ехал уже несколько часов, когда почувствовал, что пора сделать перерыв. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в тёплые оттенки оранжевого и розового. Вдалеке показался силуэт придорожного кафе с яркой вывеской «У поворота» — место, знакомое многим дальнобойщикам и путешественникам. Внедорожник свернул с трассы и остановился на небольшой парковке рядом с несколькими фурами и легковушками.

Внутри кафе было уютно и шумно: звенела посуда, пере-

говаривались посетители, доносился аромат свежесваренного кофе и жареного мяса. Он сел у окна, заказал сытный обед — борщ, котлеты с картофельным пюре и компот из сухофруктов — и с удовольствием принялся за еду. За соседним столиком оживлённо обсуждали маршруты водители грузовиков, за стойкой хозяйка кафе раздавала указания помощнице. Он слушал эти разговоры, впитывал атмосферу дороги — простую, искреннюю, настоящую.

После обеда, уже собираясь уезжать, он заметил у обочины двоих попутчиков с рюкзаками — парня и девушку. Они махали проезжающим машинам, но те проносились мимо. Он подъехал, опустил стекло:

— Далеко направляетесь?

— До следующего города, если по пути, — обрадовался парень.

— Садитесь, — кивнул он.

Попутчики с благодарностью загрузили рюкзаки в багажник. В дороге они разговорились: оказалось, ребята путешествовали автостопом, собирали впечатления и истории для своего блога о России. Они рассказывали о встреченных людях, красивых местах, забавных случаях — и он слушал, иногда вставляя свои замечания, вспоминая собственные приключения. Молодые люди вышли у развилки, сердечно поблагодарили его и пожелали счастливого пути.

Сумерки уже сгущались, когда он решил остановиться на ночлег. Выбрал удобную площадку недалеко от трассы,

окружённую невысокими холмами и редкими деревьями. Разложил в салоне внедорожника спальник, достал термос с чаем, который предусмотрительно наполнил в кафе. Устроившись поудобнее, он открыл окно — в салон проник свежий ночной воздух, наполненный запахами травы и земли. Где-то вдали мерцали огни деревни, над головой раскинулось звёздное небо. Он смотрел на звёзды, слушал тишину и чувствовал, как напряжение дня уходит, сменяясь покоем. Усталость была приятной, дорожной — такой, что приносит удовлетворение.

Утром, едва рассвело, он собрался в путь. Дорога снова потянулась вперёд — прямая лента асфальта, убегаящая к горизонту. Солнце поднималось всё выше, согревая землю. Пейзажи менялись: сначала шли поля, потом появились перелески, а затем вдали, за изгибом реки, он увидел то, к чему стремился.

Крымский мост.

Он замедлил ход внедорожника, почти остановился, чтобы как следует разглядеть это грандиозное сооружение. Мост величественно протянулся над водой, соединяя берега, — стальные конструкции блестели в солнечных лучах, арки вырисовывались чётким силуэтом на фоне голубого неба.

Выехал на подъездную дорогу, постепенно приближаясь к мосту. Ощущение было такое, будто он приближается к какой-то важной вехе, к точке, где сходятся разные линии его жизни. Включил радио — играла знакомая мелодия, та са-

мая, что иногда звучала в его голове во время долгих переездов.

Под колёсами застучали стыки дорожного полотна — внедорожник въехал на мост. Он посмотрел в зеркало заднего вида: позади оставалась дорога, километры пути, воспоминания. Впереди — новый участок пути, но главное — он здесь, на этом мосту, который для него был не просто инженерным сооружением, а символом связи, надежды, движения вперёд.

Глубоко вдохнул, крепче сжал руль и поехал дальше — мост вёл его дальше, в новые дни, в новые истории.

Захват Волшебной страны

Тёмная туча, не похожая ни на одну из обычных, нависла над Волшебной страной. Она не принесла дождя — она принесла ужас. Из клубящегося мрака шагнул Волан-де-Морт, за ним — Беллатриса Лестрейндж с маниакальным блеском в глазах, а следом потянулись Пожиратели Смерти в своих чёрных мантиях и масках.

Первый удар

Нападение началось без предупреждения. Жевуны, мирно работавшие в полях, первыми увидели зловещие фигуры. Заклинания Пожирателей Смерти — вспышки зелёного и красного света — поражали мгновенно. Сопrotивления почти не было: простые жители Волшебной страны не знали, что такое магия за пределами добрых чудес Виллины и Стеллы.

Болтуны, обычно оживлённо обсуждавшие всё на свете, замерли в оцепенении, когда над их городом повисла гигантская проекция Чёрной метки. Их попытки организовать оборону были смяты парой мощных заклятий.

Падение защитников

Страшила, Железный Дровосек и Смелый Лев выступили навстречу захватчикам во главе ополчения. Но их силы оказались бесполезны:

Страшила, несмотря на свой ум, не мог придумать защиту от заклинаний, сжигающих солому одним касанием.

Железный Дровосек, хоть и был неуязвим для обычного оружия, поддался чарам ржавчины — его суставы заклинило, и он застыл, беспомощно глядя, как вокруг него бушует битва.

Смелый Лев, чьё мужество было легендарным, дрогнул перед «Империусом» Беллатрисы. На мгновение он почувствовал, как чья-то чужая воля пытается подчинить его разум, и этого мгновения хватило, чтобы Пожиратели обошли его фланги.

Виллина и Стелла попытались дать отпор. Виллина призвала ветры, которые должны были развеять тьму, но Волан-де-Морт одним взмахом палочки обратил их против неё же. Стелла, сияющая, как звезда, бросила в него луч чистой магии — но Тёмный Лорд отразил его, насмешливо заметив: «Доброта бессильна перед силой, фея».

Последние очаги сопротивления

Марраны, привыкшие к набегам, встретили врагов копьями и яростными криками. Их боевой клич эхом разнёсся по долинам, но против заклинаний, обращающих землю в зыбучие пески, они были бессильны.

Подземные рудокопы вывели на поле боя драконов, надеясь, что огнедышащие твари остановят захватчиков. Драконы ревели, извергая пламя, но Пожиратели использовали «Протега Тоталум» — щиты, выдерживающие даже драконий огонь. Один за другим драконы падали, скованные ледяными чарами.

Последней надеждой казался Железный рыцарь-гигант Тилли-Вилли. Он шагал навстречу армии Волан-де-Морта, его огромные кулаки готовы были сокрушить любого. Но Тёмный Лорд лишь усмехнулся, произнёс древнее заклинание — и гигант замер, металл покрылся паутиной трещин. «Даже сталь не вечна», — прошептал Волан-де-Морт.

Новый порядок

Дворец в Изумрудном городе пал быстро. Милорд, верный приспешник Волан-де-Морта, занял трон, а Беллатриса устроила в бывших покоях Стеллы что-то вроде пыточной. Улицы города патрулировали Пожиратели, а над башнями развевались чёрные знамёна с черепом и змеёй.

Волшебная страна погрузилась в страх. Цветущие сады увядали, ручьи стали мутными, а смех детей больше не звучал на улицах.

Последняя надежда

За горами, в мире обычных людей, Энни, Тим, Фред Каннинг и дядя Чарли Блэк узнали о катастрофе. Они пытались проникнуть в Волшебную страну силой — но барьеры, воздвигнутые Волан-де-Мортом, были непроницаемы. Попытки перехитрить захватчиков тоже провалились: даже хитроумные планы Фреда разбивались о бдительность Пожирателей.

Тогда они решили искать дипломатический путь. Энни, помня уроки Виллины о силе доброты, предложила не сражаться, а попытаться достучаться до тех, кто ещё не потерял человечность. Возможно, среди Пожирателей есть те, кто устал от жестокости? Возможно, Милорд, получив власть, захочет большего, чем отведено ему Волан-де-Мортом?

«Мы не можем победить их силой, — сказала Энни, глядя на карту Волшебной страны, где каждый город теперь отмечен чёрным крестом. — Но, может быть, мы сможем их разделить?»

План был рискованным, но другого не оставалось. Четвёрка друзей начала действовать — осторожно, незаметно, плетя сеть переговоров там, где раньше звучали только заклинания. Ведь даже в самой тёмной туче, как говорила Виллина, есть просвет...

Переговоры и освобождение Волшебной страны

Энни, Тим, Фред Каннинг и дядя Чарли Блэк понимали: прямое противостояние с Волан-де-Мортом бессмысленно. Они решили сыграть на его амбициях и слабостях Беллатри-

сы. План был дерзким, но другого не оставалось.

Первый шаг: контакт с Милордом

Через тайных осведомителей из числа бывших слуг Изумрудного города они вышли на Милорда — тот, получив власть, начал тяготиться ролью марионетки Волан-де-Морта. Энни передала ему послание:

«Вы достойны большего, чем быть наместником чужака. Волшебная страна — ваш дом, а Волан-де-Морт видит в ней лишь источник силы. Мы поможем вам стать её истинным правителем — без магии страха и крови».

Милорд колебался. Он привык подчиняться, но вкус власти опьянял. Фред подкрепил аргументы конкретикой:

показал карты магических источников страны, которые могли бы питать личную армию Милорда;

намекнул, что Беллатриса планирует заменить его более покорным ставленником;

предложил союз с уцелевшими лидерами Жевунов и Болтунов — те были готовы признать его, лишь бы избавиться от Пожирателей.

Игра на слабостях Беллатрисы

Тем временем дядя Чарли Блэк взялся за Беллатрису. Он знал: та обожает демонстрацию силы и презирает «слабаков». Через подставного шпиона он пустил слух о «древнем артефакте» в Рудниковой долине — якобы там хранился шлем, усиливающий магию до небывалых высот.

Беллатриса клюнула. Жажда мощи перевесила осторож-

ность. Она взяла небольшой отряд и отправилась за «трофеем», оставив Волан-де-Морта без своей поддержки в критический момент.

Разлад в стане захватчиков

Когда Волан-де-Морт узнал, что Беллатриса ушла за личной выгодой, его ярость была безгранична. Милорд, уже готовый к мятежу, подлил масла в огонь:

— Она предала вас, мой лорд. Считает, что достойна большей власти. Пока вы укрепляете оборону, она ищет артефакты, чтобы бросить вам вызов.

Волан-де-Морт, привыкший к абсолютной преданности, усомнился. Его паранойя, усиленная крестражами, сыграла против него. Он отправил часть Пожирателей вернуть Беллатрису — началась неразбериха.

Решающий аргумент Энни

В этот момент Энни решилась на отчаянный шаг. Она явилась к Волан-де-Морту лично, без охраны.

— Вы великий маг, — сказала она спокойно. — Но эта страна не даст вам силы. Она питается добром, верой, мечтами. Ваши заклинания разрушают её суть. Скоро здесь не останется магии вообще — только пепел.

Она показала ему видения:

увядающие сады, где цветы превращались в камень; пересохшие ручьи, вода в которых становилась чёрной; тени прежних защитников — Страшилы, Дровосека, Льва, — что шептали: «Уходи, иначе сгинешь вместе с на-

ми».

Волан-де-Морт почувствовал, как его собственные чары слабеют. Волшебная страна отторгала его, как организм отторгает яд.

Условия ухода

После долгих переговоров стороны пришли к соглашению:

Волан-де-Морт и его армия покидают Волшебную страну немедленно.

Беллатриса возвращает украденные артефакты (включая частицу магии Виллины).

Милорд остаётся временным правителем под надзором совета из представителей всех народов страны.

В обмен Энни и её друзья обещают:

не преследовать Пожирателей за пределами Волшебной страны;

стереть память местных жителей о вторжении (чтобы избежать мести);

помочь восстановить защитные барьеры, которые не пропустят тёмную магию.

Освобождение

Как только договор был скреплён магической клятвой, чары начали рассеиваться:

Страшила вновь ожил — ветер наполнил его соломой, а глаза-пуговицы заблестели умом.

Железный Дровосек стряхнул ржавчину и с благодарно-

стью пожал руку Тиму.

Смелый Лев, освободившись от «Империиуса», зарычал так, что эхо прокатилось по горам.

Виллина и Стелла вернули цвета стране: сады зацвели, ручьи зажурчали, а над Изумрудным городом снова засияла радуга.

Волан-де-Морт, уходя, бросил Энни:

— Ты думаешь, что победила, девочка. Но тьма всегда находит путь...

— А свет всегда её изгоняет, — ответила Энни. — И мы будем готовы.

Эпилог

Волшебная страна залечивала раны. Милорд, осознав, что настоящая власть — это доверие, начал править справедливо. Жевуны и Болтуны восстанавливали дома, Марраны патрулировали границы, а Подземные рудокопы делились запасами еды.

Энни, Тим, Фред и дядя Чарли вернулись домой, но знали: если тьма вернётся, их друзья будут на страже. Ведь даже самая сильная магия не сравнится с силой дружбы, верности и веры в добро.

Примирение Беллатрисы и Волан-де-Морта

После поспешного ухода из Волшебной страны Волан-де-Морт и его последователи укрылись в старом замке на границе двух миров. Воздух здесь был пропитан древней магией, а стены помнили времена, когда тёмные ритуалы бы-

ли обыденностью. Волан-де-Морт, разъярённый и разочарованный, приказал всем удалиться — кроме Беллатрисы.

Разговор начистоту

Беллатриса вошла в тронный зал с высоко поднятой головой, хотя внутри всё сжималось от тревоги. Она знала: Волан-де-Морт не прощает ошибок.

— Мой лорд, — она опустилась на одно колено, склонив голову. — Я прошу выслушать меня, прежде чем выносить приговор.

Волан-де-Морт медленно повернулся. Его красные глаза сверкнули в полумраке:

— Ты ослушалась. Ты поставила свои амбиции выше моих планов.

— Я действовала во имя вас, — горячо возразила Беллатриса. — Тот артефакт... если бы я получила его, моя магия стала бы ещё мощнее. Я могла бы служить вам лучше, защищать вас надёжнее!

— Ложь, — холодно произнёс он. — Ты хотела силы для себя. Признай это.

Беллатриса подняла глаза. В них не было страха — только искренность, редкая для неё:

— Да, я хотела силы. Но не для себя одной. Для нас. Чтобы никто не смог встать между вами и вашими верными слугами. Чтобы я могла заслонить вас от любой угрозы.

Искреннее признание

Волан-де-Морт замер. Он умел читать людей — и сейчас

видел: Беллатриса не лгала. Её преданность была настоящей, пусть и искажённой жадой признания.

— Вы — всё для меня, — продолжала Беллатриса, и голос её дрогнул. — С самого первого дня, когда вы увидели во мне не просто очередную ученицу, а соратницу. Когда вы доверили мне самые опасные задания. Когда простили мои промахи... Я не могу жить без вашего одобрения. Без вашей веры в меня.

Она достала из-за пазухи маленький медальон — внутри был крошечный портрет Волан-де-Морта, сделанный с помощью магии:

— Я ношу его всегда. Даже когда вы гневаетесь на меня. Даже когда я ошибаюсь. Потому что вы — мой ориентир. Моя цель. Мой смысл.

Волан-де-Морт молча рассматривал её. Он помнил, как Беллатриса бросалась под проклятия, чтобы прикрыть его. Как выслеживала предателей, рискуя жизнью. Как радовалась малейшему одобрителю слову.

Понимание и прощение

— Ты глупа, Беллатриса, — наконец произнёс он, но в голосе уже не было прежней ярости. — Глупа в своей слепой преданности. Но именно эта глупость делает тебя ценной.

Он подошёл ближе:

— Твоя ошибка дорого нам обошлась. Мы потеряли шанс подчинить Волшебную страну. Но... я признаю: твоя мотивация не была эгоистичной. Ты хотела усилить нас, а не пре-

дать.

Беллатриса подняла голову, в глазах блеснули слёзы:

— Спасибо, мой лорд. Я докажу, что достойна вашего доверия.

— Докажешь, — кивнул Волан-де-Морт. — Но запомни. Сила — не в артефактах. Не в заклинаниях. Сила — в единстве тех, кто служит высшей цели. Ты — часть этого единства. И я ценю твою верность.

Он протянул руку. Беллатриса поцеловала край его мантии, затем поднялась и выпрямилась:

— Приказывайте, мой лорд. Я готова к любому испытанию.

Новое соглашение

Они сели за старый дубовый стол — не как повелитель и слуга, а как союзники. Волан-де-Морт заговорил:

— Больше никаких самостоятельных решений. Любые планы — только после моего одобрения.

— Клянусь, — твёрдо сказала Беллатриса.

— Ты получишь доступ к моим архивам древних заклинаний. Научишься контролировать свою жажду силы.

— Благодарю, мой лорд. Это большая честь.

— И запомни: твоя ценность — не в том, сколько врагов ты можешь уничтожить. А в том, насколько ты предана нашему делу.

Беллатриса кивнула. Впервые за долгое время она чувствовала не страх перед гневом повелителя, а гордость за то,

что он видит в ней нечто большее, чем просто исполнительницу приказов.

Последствия примирения

С этого дня отношения Волан-де-Морта и Беллатрисы изменились:

Волан-де-Морт стал чаще прислушиваться к её советам, особенно в тактических вопросах.

Беллатриса научилась сдерживать порывы и согласовывать действия — её преданность стала более расчётливой, но не менее горячей.

Они разработали систему сигналов: особый жест означал «остановись и дождись подтверждения», что предотвращало будущие конфликты.

Волан-де-Морт начал поручать ей обучение новых Пожирателей — как пример истинной, хоть и сложной, верности.

В глубине души Тёмный Лорд понимал: Беллатриса была одним из немногих, кто действительно верил в его миссию, а не просто искал выгоды. А Беллатриса осознала, что настоящая сила служения — не в демонстрации мощи, а в умении действовать заодно с тем, кому ты посвятил жизнь.

Их союз стал крепче. Не потому, что исчезли разногласия, а потому, что оба поняли: их общая цель важнее личных амбиций. И пока они помнили об этом, их сила оставалась непоколебимой.

Тьма над Изумрудным Городом

В тот день, когда небо над Волшебной страной расколо-

лось не от привычной магии, а от зловещего, черного разрыва, Страшила, Железный Дровосек и Смелый Лев сидели на веранде Изумрудного дворца, обсуждая планы по улучшению урожая тыкв. Их безмятежность была нарушена не громом, а шепотом, который пронесся по воздуху, словно ядовитый туман.

Из разлома, словно из пасти чудовища, вышли они. Высокий, бледный человек с красными глазами, чье лицо было лишено носа, а губы искривлены в презрительной усмешке. Это был Волан-де-Морт. Рядом с ним, с безумным блеском в глазах и копной черных волос, развевающихся на ветру, шла Беллатриса Лестрейндж. За ними, словно тени, двигались Пожиратели Смерти – в черных мантиях, с черепами на лицах, их палочки были наготове.

Первыми на их пути оказались Жевуны. Их домики, яркие и уютные, были разрушены одним заклинанием. Их веселые песенки сменились криками ужаса. Болтуны, попытавшиеся отбиться своими нелепыми заклинаниями, были мгновенно обезврежены. Их магия, привычная и добрая, оказалась бессильна против темных искусств, что несли с собой пришельцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.